

Экспедитор

Автор:

Александр Афанасьев

Экспедитор

Александр Николаевич Афанасьев

Мир «Эпохи мёртвых» Экспедитор #1

Страшно потерять близких, но еще страшнее, когда они... возвращаются!

Привычный мир рухнул в один миг. Человечество поразила неведомая эпидемия. Последствия ее оказались ужасны. Полчища кровожадных тварей, которые еще вчера были твоими коллегами, друзьями, возлюбленными, соседями и родственниками, заполонили российские города. Москва пала одной из первых. Настал черед провинциальных городов. Жителям Ижевска повезло. Они узнали об эпидемии за несколько дней до того, как она началась в их городе. И успели подготовиться. Благо, уж чего-чего, а оружия в Ижевске всегда хватало...

Александр Афанасьев

Экспедитор

Мы не чувствуем боль,

Почему, расскажи, сестра,

Так стало.

И по трубочкам в нас

Вливается кто-то чужой,

Так стало.

Уходим на закат, уходим на восход,

Не бойся больше ничего,

Не будет больше ничего.

Уходим на закат, уходим на восход,

Не бойся больше ничего,

Не будет больше ничего.

Тотал

Самый героический поступок человечества – это то, что оно выжило и намерено выжить дальше...

А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине

Перед тем как вы начнете читать эту книгу, автор хотел бы кое о чем вас предупредить.

Эта книга является чистой фантастикой, и не более того, описанием мира, прошедшего через жуткую эпидемию и теперь пытающегося хоть как-то выжить. Именно как фантастику его и нужно воспринимать. Автор не призывает к отделению каких-либо территорий от РФ, к созданию незаконных вооруженных формирований и тому подобных вещей – хотя иметь оружие в личном владении считает нужным и сам его имеет. И второе – все события, персонажи, должностные и юридические лица в этом повествовании являются вымышленными. Автор не имеет информации о каких-либо незаконных действиях организаций и должностных лиц в Удмуртии или где бы то ни было еще.

Ижевск, бывшая Россия. Здание заводоуправления на Дерябина, 2,

4-й этаж, угловой кабинет

Девятьсот тридцать первый день Катастрофы

- Сань...

Б...

Я открыл глаза.

- Что за... мне что, задряхнуть как человеку нельзя? В пять приехали...

Мешок зашел в кабинет. Кивнул на две чашки, которые держал в руках – это типа извинение. Кофе.

- Кофе будешь?

Я вздохнул.

- Ладно, давай...

Мешок, или Мишка, – один из немногих людей в этом мире, которым я доверяю. Потому что знаю его с семнадцати лет. Он бывший мент, точнее, гаишник. Я пробил ему новую работу – теперь он на заводе работает в первом отделе, водит конвои, отвечает за транспортную безопасность. Он мне за это благодарен...

Дело происходило на четвертом этаже здания заводоуправления «Ижмаша», здания на Дерябина, 2, в угловом кабинете. Который я использовал как офис и приемную – так как являлся депутатом Горсовета от трудового коллектива завода. У нас сейчас выборы не от населения города, а от трудовых коллективов заводов, а кто не работает, тот и права голоса не имеет. Это правильно. И очень по-ижевски. Ижевск – это город-завод, здесь людей знают не по национальностям, а по профессиям. Настоящий Урал, хотя и на Волге, город, который вот уже более двухсот лет имеет только одну специализацию – производство оружия. Ижевский оружейный завод производил оружие, которым били Наполеона, били Гитлера. И сейчас он тоже производит оружие...

Я отхлебнул кофе, скривился.

– Молока бы налил, изверг.

– Молоко лить – только продукт переводить... – авторитетно заявил Мешок, усаживаясь напротив.

Да. Может, он и прав. Кофе заканчивается, у меня уже не было. Скоро без кофе жить будем. И это плохо.

Я спал, как и приехал, – в горке. Рюкзак с автоматом у стола. Приехали с Куеды. Это не матерное выражение, это название поселка городского типа на стыке Свердловской и Пермской областей и недалеко от Удмуртии. Там было что-то вроде толковища, решали, как дальше жить. Приехали не все, поговорили ни о чем. Особенно удивили свердловчане – так и гнут под себя. Нормально, без бычки разговаривать вообще не могут. Что за люди.

Правильно раньше писали – меня исправит расстрел.

Разговор шел конкретный – за будущее, за эквивалент обмена, за распределение благ в этом в одночасье рухнувшем мире. Мире, который погубила болезнь, неведомая и страшная, заставляющая мертвых подниматься и убивать живых – как в кошмарном фильме. Только теперь это был не фильм, а жизнь.

Все происходившее получило название Катастрофа.

Так получилось, что Катастрофа миновала нас – почти. Рецепт успеха был прост – относительная транспортная недоступность, несколько решительных людей в самом начале и очень, очень много оружия. Ижевск, несмотря на то, что это двадцатый по населению город России, стоит вдали от всех основных транспортных потоков. Через него не идет судоходная река, мимо нас прошли обе ветки Транссиба, и северная, и южная, через нас не идут федеральные трассы, и у нас практически нет авиационного сообщения. То, из-за чего все ругались матом, а кто-то и уезжал, во время Катастрофы обернулось спасением. Например, аэропорт: мало того, что его приватизировало «Ижавиа» и не пускало туда другие авиакомпании, так еще он и на капитальном ремонте был. Первые бешеные – как их какое-то время называли – появились в городе, видимо, с крайним поездом Москва – Ижевск. Но их было немного, и большого вреда они причинить просто не успели. Нам надо было всего два-три дня, и эти два-три дня у нас были. Когда эпидемия все же начала развиваться, мы все знали, по

сообщениям из Москвы – и про обратившихся, и про то, что стрелять надо только в голову. А стрелять у нас всегда было чем.

В городе два крупнейших оружейных завода страны – «Ижмаш» и «Ижмех». Единственное в стране крупное производство пистолетов. Плюс – у нас город оружейников, так что полиции *volens nolens* приходилось лояльно относиться к желанию простого гражданина купить себе оружие. И купить проблем не было – в городе сразу несколько крупных оружейных магазинов, в том числе на Ленина. Так и отбились – за все время Катастрофы потеряли чуть больше тысячи человек, считая бандитню и мародеров. Из шестиста с лишним тысяч.

Потом собрались, начали судить-рядить, что делать. Новости не радовали – заражен был весь мир, Москвы как столицы просто не было. Жизнь следовало налаживать самим – как получится, так и налаживать.

Решили выделяться – пока в пределах своей республики, чтобы хоть какая-то видимость законности была. Переизбрали Госсовет и Горсовет. Назначили временные администрации на госпредприятиях и тех, где хозяев не было или до них не было доступа. Где хозяева были – оставили за ними, только определенные правила игры установили: работай нормально, плати налоги и зарплату людям – и все у тебя будет пучком. Нет – извини, военное время. После чего начали как-то выживать.

Первое же лето показало, как мы были правы.

Мертвечины много не было – но она была. Вообще, как я понял, мертвяки далеко от того места, где обратились, не уходят, оседлые они – но смертельно опасны. Массово с мертвечиной мы столкнулись, когда зачищали Агрыз и Сарапул – важные транспортные узлы, а Сарапул – так и вовсе наш город, негоже его оставлять. Агрыз татарский – но его взяли под контроль, тупо потому, что это стратегический транспортный узел, мы могли его контролировать, и оставлять его кому-то было негоже. Да и кому – мертвякам? По той же самой причине взяли под контроль Чайковский, относящийся к Пермскому краю, – там ГЭС, от которой еще какое-то время можно электричеством питаться, и порт. Речной – но порт. Портов у нас теперь было два – Чайковский и Камбарка...

Затем пошли дальше.

На второй год – зиму перезимовали, заодно окончательно истребили мертвечину, которая уральских морозов не выдерживает – начали уже не выживать, а жить, разворачивая торговлю и прибирая под себя ресурсы, какие получалось прибрать.

Дело в том, что Удмуртия – республика хоть и маленькая, но к выживанию приспособлена как нельзя лучше. Сельское хозяйство мы не угробили, сами себя обеспечиваем всем, кроме зерна, – зато тем же яйцом у нас обеспеченность двести процентов, а если картоху посадить, которая к нашей земле лучше приспособлена, – зиму перезимуешь с гарантией. Собственная нефть – хоть и немного, но есть. Стоят качалки. Значит, есть и бензин. Под рукой ГЭС – есть электричество. Каменного угля нет – вообще-то он есть, двадцать миллиардов тонн, второй Донбасс – но там горизонт тысяча метров, не докопаешься. Да и зачем, если есть торф, а по торфу мы то ли первые, то ли вторые в России. А торф – это и удобрение, и топливо.

Из производств – загибайте пальцы – боевое и гражданское стрелковое оружие, автозавод, завод пластмасс, нефтянка, бытовые товары, электроника, беспилотники, включая как производство, так и разработку. В Сарапуле – вся радиоэлектроника, включая армейские средства связи, в Камбарке – железнодорожный транспорт, дико востребованные сейчас рельсовые автобусы, легкие локомотивы, Воткинск – ракеты «Тополь», Глазов – спецстали и ядерное топливо. Собственная металлургия, причем работающая в основном на металлоломе и заточенная на спецстали. Это только крупное, по мелочи – две швейки, в том числе одна способная отшивать армейскую снарягу, два крупных водочных завода, пиво – ну и по мелочи, молоко, хлеб там.

То, что разграбили склады РАВ и теперь стволов хватит на сто лет вперед – это ерунда полная, если не сказать круче. Ну, допустим, дернул ты АКМ или СКС – и дальше что? Пистоль тебе нужен? А это более востребованная позиция, и их-то намного меньше по рукам пошло. Допустим, нужен. А если к нему еще и ствол запасной с нарезкой под глушитель, причем заводское все? А на автомат – глушак, сошки, крон? Хорошо, допустим у тебя автомат есть. И все, достаточно? А как насчет болтовой винтовки, да под тот же патрон, что и автомат, да с заводским же глушителем? Их у нас есть – «Барсы» и «Лоси» новые. Благо огнестрельное оружие – один из самых простых в производстве потребительских товаров, там никакая кооперация не нужна, все на месте делаем, разве что прицелы покупаем.

Ну а некоторым уже мало АКМ и СКС: кто выжил, те готовы тратить, и оружие нынче – предмет первой необходимости. И опять мимо нас ты не пройдешь, мимо нашего стола. Подходи, покупай. Чем платить – договоримся, мы все возьмем.

Так мы и прожили второй год, и даже как-то поднялись, насколько это возможно – подняться в нашем невеселом мире. А вот дальше начались нехорошие такие движения, и зуб даю – не случайные.

Первый раз я понял, что неладно дело, зимой. Погрузились, караваном пошли на торг, в Новгород. Я в караване был, так как от Горсовета по части торговли и установления деловых контактов уполномоченный. Барыга, короче. Пришли. Вроде нас всегда рады были видеть, да и вообще – Новгород богател торгом, там люди разумные попались, хотя долбануло город – не в пример нам. Но в этот раз – кто как, а я сразу понял – неладное дело. Начались какие-то предъявы, место нам выделили хреновое, а потом один бухарик приперся и выдал: мол, вы, куркули удмуртские, ох...и, цены ломите, на людском горе наживаетесь. Там охрана рынка этого деятеля утихомирила да пинком под зад проводила, перед нами извинились – типа инцидент исчерпан, пацаны, торгуйте как торговали. Только я прикинул муде к бороде и понял, что неспроста вся эта тема. Этот алкаш – его охрана рынка и подослала. Сказать то, что не скажут в лицо. Сказать – зажрались вы, ребята. Пора и честь знать.

Тема эта банальна и стара как мир – обычная зависть. Говорят, что в блокадном Ленинграде в бане избивали всех, у кого не одна кожа да кости. Моральный посыл прост – почему ты не страдаешь вместе с нами, чем ты лучше нас. И под этим моральным посылом готовы будут подписаться многие.

Если бы вопрос был только в бандитах, я бы не колотился – как-никак, населения у нас, по нынешним раскладам, много, даже очень много, оружия на руках еще больше – отобьемся, от мордовских и вятских зон отбиваемся же. Проблема будет, если на нас поперет армия. Да, да, та самая непобедимая и легендарная. Которая сейчас – точнее, то, что от нее осталось – вынуждена выживать так же, как выживают все. А люди в армии есть самые разные, сакрализировать тут не надо никого, и мысли у них в отношении нас могут быть так же самые разные. Мы плохого людям не делали – но кусок жирный. Допустим, подпишутся не все. Но всех и не надо. Достаточно одного-двух полков с танками и «Градами» – и нам хана. Снайпер танк не остановит.

А армии своей у нас нет.

В Удмуртии на начало катастрофы не было ни одной воинской части. Еще раз – ни одной. Ни армии, ни ВВ. Вообще ничего. Все, что у нас было на начало из брони – пара БТР и БРДМ. Все.

Шакалили где могли. Кто-то вернулся из служивых, на своей технике. Кто уходил на своей же технике из Центральной России – без вопросов принимали, размещали: служи. Скатались в Пермь, кое-что вывезли с Мотовилихи. К нам перешла часть пацанов с бригады Внутренних войск (называю по старой памяти так) с Белебея – с техникой. Кое-что сумели выменять-выторговать. Но этого всего все равно мало. Мало, если за нас примутся всерьез.

Мало.

Проблема в том, что все – с бору по сосенке, слаженности нет. Нет нормального штаба, где все были бы сыграны и с военным опытом. Нет ни одной целой воинской части, пусть кадрированной. По сути, мы ополчение – партизаны. Один-два более-менее сохранившихся мотострелковых полка нас расхреначат.

Я думал. Долго. Не знаю, как другие, мне пофиг до других, если кто одним днем живет – его проблема. Прикидывал и так и этак. И вдруг – осенило. Конкретно – и как закрыть наши самые болевые точки, и приобрести армию. Настоящую. Перестать быть тупо купеческой республикой, а стать государством.

Написал служебку – на Синцова, председателя президиума Госсовета. Прекрасно понимал при этом, что проблем себе наживу – выше крыши. Но и ждать, пока накроют «Градами» – тупо не хотелось...

Вот, начали потихоньку искать взаимопонимание... раньше была ассоциация такая – Большой Урал. Вроде как уральские все – договориться проще. Ан нет – не учли одного. От себя гребут только курица и бульдозер. Власть – что на Урале, что в Поволжье – взяли почти везде бандиты. Бывшие и действующие. А с бандитами, особенно теми, кто не чувствует висящего над ними меча закона, договариваться сложно.

Очень.

Я потому и ездил сам, что я на руководство республики никак не тяну. От моих слов можно и отказаться. А договариваться я умею.

Но не договорился.

Допил кофе.

- Надо-то чего?

- Новосельцев хотел бы переговорить перед Госсоветом.

Новосельцев. Илья Игоревич. Зам министра внутренних дел, из местных, человек довольно статусный. Депутат Госсовета. И человек, смыслящий в политике.

- Ему-то что?

Мешок пожал плечами - мол, мне-то что. Начальство. Нас е...т, а мы крепчаем.

Я посмотрел на часы. Где твои семнадцать лет, Мишка, и где мои...

- Ладно, двинули. По-бырому только.

- Ага.

Вот чем хорош угловой кабинет - он с одной стороны на боковом входе, там, где отдел кадров и можно прийти-уйти не через проходную. Но там еще есть дверка, которая ведет на четвертый этаж основного здания. В охраняемую зону. И ключик у меня есть.

Спустились вниз. У тротуара стоит... «Порш Макан»! Новенький, да еще и красный. Цвет «Феррари». Мишка горделиво открыл передо мной дверь... знаете, как называется деревня, из которой он родом? Тыловой-Пельга. Даже не знаю, что это значит на удмуртском. Как-то у меня никогда не приходила в голову «Порш Макан» купить.

Мигалку на крышу – рванули!

– Дорого дал?

– За что?

– Машина.

– А... на дороге нашел.

Врет, наверное. Но это его дело. Сейчас такую машину и впрямь могут бросить. Спрос сейчас – на дешевые, ремонтпригодные машины. Лично у меня их сразу две – «Ода» у Элины и «Комби». Первая – похожа внешне на девятку, но движок от шестерки и непробиваемая подвеска. И просторная – впереди почти как у «Волги» места, а для меня это важно. Вторая – это привет из старых добрых семидесятых, она у меня стояла без дела, выбрасывать жалко, продавать – кому она нужна? А так – дефорсированный движок 1,7, который и прямогонный бензин из самовара переварит, рессоры на подвеске и сзади пятая дверь – можно много чего перевезти. Этаким гибридом «Москвича» и «Нивы», у нас тут ее звали «БМВ» – боевая машина вояка. Сейчас такие в самый раз – вот этот «Порше» как отремонтировать? А «Комби» – в любом сарае.

На заднем сиденье – «Вебрь-12» с коротким стволом, лежит открыто, магазины снаряжены, тут же – разгруз. Сейчас все так делают, сейчас это обычное дело. Если хочешь выжить – не долби мозги, а тупо следуй.

Прошли плотину, резко ушли влево – значит, не к зданию МВД. Хотя... я забыл, они же в здание ГАИ на Воткинском шоссе переехали, точно.

– А отремонтировать?

– Сломается – новую найду.

В этом весь Мешок.

Выскочили на Горького. Прошли чуть вниз и свернули – переулок Широкий, Мишка ездил так по старой памяти, когда на улицах было не протолкнуться.

Чуть выше – раньше жил Евгений Федорович Драгунов. Сейчас этого дома нет.

А наследие его осталось.

Я закрыл глаза, вспоминая...

Прошрое.

Набережные Челны, бывшая Россия

Пятьдесят первый день Катастрофы

– На плотине движение. Мертвяки... – доложил снайпер.

– Давай я. Пристреляюсь заодно...

Снайпер молча уступил мне место...

Тратить дефицитный пятьдесят четвертый боеприпас на такую цель, как зомби, – смысла нет никакого. Тем более взвешенный и промеренный снайперский боеприпас. Куда лучше для такого случая пойдет АКМ. Простейшая, но безотказная и знакомая каждому машинка, на нее я поставил прицел Bushnell 1-4 с сеткой под 7,62*39, глушитель и калошу. Калоша, или резиновый амортизатор на приклад, изначально для подствольного гранатомета, несколько снижает точность, но посмотрел бы я на вас, доведись вам столько стрелять. Цель – головная мишень, дистанция – где-то двести пятьдесят, двести семьдесят, самое то и для оружия, и для прицела.

Подвинул к себе мешок, пристегнул первый магазин из мешка – от РПК, а боепитание на машине у меня из мешка, то, что в разгрузе, это НЗ. Лязгнул затвором. Остальные, как и положено, вели наблюдение – в головной двое омовцев, в том числе и снайпер. Не пропадем.

– Работаю!

Первые зомби – поднялись, услышали. Заковыляли к нам. В общем-то, ловить им нечего – стальной борт наращенный, пять автоматов в кузове. Но они это не понимают.

Мелькнул плакат – «Брежнев-ФМ». Радио. Ну да, правильно, раньше город так и назывался. Нас вот тоже пытались назвать Устиновом. Да времена уже не те были – и пяти лет не продержалось название...

В прицел попал какой-то дорожный рабочий... страшный, черный, в обрывках рубы. Вот с него и начнем...

Автомат дернулся, изображение на мгновение смазлось. Я уже целился в другого.

Интересно, что же все-таки произошло?

Просто так такого быть не могло – это дело рук человеческих. Или не человеческих – как считать. Скорее всего, что-то где-то пошло не так. А может, и так, как раз так – да не справились с ситуацией. Какая теперь разница. Главное – не думать. Не думать о том, кем были эта женщина, этот мужчина, этот ребенок.

Просто стрелять.

У нас есть священник, отец Александр, он в Завьялово служит. Его отлучили от служения после того, как он и еще двое священников выступили с открытым письмом на имя первоиерарха, призвав церковь покаяться перед паствой в распространенных сейчас в клире грехах, в том числе в сребролюбии и в гомосексуализме. Его запретили к служению, в Завьялово приехал новый священник – но церковь осталась пустой, народ в храм не пошел. Отцу Александру администрация выделила помещение, там он и служил. Туда люди шли.

Перед выходом мы к нему ездили... многие ездят. В наши времена это нужно, и ничего смешного тут нет – когда видишь идущий на тебя гнилой, наполовину съеденный, но каким-то образом все еще живой труп, надо иметь что-то внутри... что-то, что позволяло бы тебе мириться с этим новым миром и как-то жить в нем. Иначе или застрелишься, или крыша поедет.

Мы все причастились, исповедовались перед поездкой. Потом отец Александр сказал, что чаша гнева Господнего переполнилась нашими злодеяниями, и мертвые пошли по Земле – но это не Страшный суд. Это происки дьявола. А те, кто встал и пошел мертвыми – суть тело без души, а такого быть не может. Человек – сотворен по образу и подобию Господа нашего и наделен душой, а все это – не от Господа. И каждый, кто поможет таким несчастным упокоиться в мире, кто защитит чад Божьих от порождений нечистого, совершит благое дело, и в глазах Господа, и в глазах Церкви...

Вот как-то так...

Глаза страшатся (в наши дни это выражение приобрело вполне конкретное значение), а руки – делают. У каждого приемы свои, я бью обычно двумя быстрыми и тут же переношу огонь, не проверяя, упал – не упал. Если не упал – доработает контролер, мы приспособились парами работать. Стрелок работает, контролер наблюдает, у него прибор наблюдения с углом намного шире, чем прицел, при необходимости добивает. У меня в паре Миша – Мешок, пары подбираются по дружбе, по давнему знакомству – надо, чтобы люди друг другу доверяли. У него два «Вепря» – «Сто двадцать пятый» и «Сто двадцать третий», переделанный под снайперку. Все из магазина. Сто двадцать пятый – надо ресурс сейчас вырабатывать, а потом на перестрелку, потому что патроны 5,56 НАТО еще неизвестно, будут или нет.

– Этот живой...

Я, не обращая внимания, ловлю в прицел следующего – похоже, работник станции. Когда-то был, судя по робе.

Рядом хлестко бухает «Вепрь».

– От гад!

– Беглым по нему!

Тут я понимаю, что дело не совсем ладно. Какая-то тварь... зомби, они же медленные, их стрелять, как мишени в тире валить – почти. Но некоторые вдруг становятся быстрыми... почему – непонятно. Но они намного опаснее простых

зомби.

Ударили уже из трех автоматов по стелющейся у самой земли твари. Но она все же добежала – ударилась о борт, но подскочить, чтобы расправиться с нами в кузове, уже не смогла. Шквал свинца сбросил ее вниз, под колеса. Да и борта гладкие, усиленные, зацепиться не за что.

ОМОН оценил наши усилия.

– Покурите, мужики. Мы доберем.

Так дак так. Сбрасываю в мешок почти пустой магазин, пристегиваю новый. Мешок, смотря на меня, делает то же самое – он хоть и в ГАИ стрельбы проходил, да какие там стрельбы. Он вообще по натуре человек мирный, это дело не любит.

– Сейчас, – Мешок достает сигарету, прикуривает. Замечаю, что руки у него подрагивают.

– Страшно?

– Ага.

Хорошо хоть, без понтов он. Понимает, что надо учиться по-новому жить, – вот и учится.

– Я ж ее в голову. Винтовочным.

– Дай-ка.

Я беру винтовку. Осматриваю ее.

– За прицел дорого дал?

– Не, а чо.

- А чо. Через плечо! Этот прицел отдачу не держит. Тем более отдачу на пятьдесят четвертом. Кинули тебя.

- Вот гады!

- Ты ПСО куда дел?

- Да вон, в рюкзаке.

- Доставай, воен...

Ума - палаты. Ему, видимо, сказали - на фига тебе парень, четырехкратник, когда вот - с четырех до двенадцати, и недорого совсем. Он и повелся. Хорошо хоть, свой не отдал, хотя пристреливать опять придется.

Снимаю этот... обратно ставлю ПСО. Заодно добрым словом поминаю конструкторов - с боковой планкой это делается быстро и без инструмента. Если бы на «Пикаттини» пришлось ставить - сейчас бы с инструментом ипстись.

- Не делай больше ничего с винтовкой, не спросив. И не покупай ничего. Кинут.

Этот сто двадцать третий ему отбирал я как депутат Горсовета, после того как было принято решение национализировать запасы оружия в городе. Лучшее из худшего, скажем так. Ствол с шагом нарезов двести сорок, длина - аж семьсот, это больше, чем у СВД. Схема «калаша», она точности не способствует, но есть нюансы. Например, магазин однорядный - однорядная подача способствует точности. В итоге он в полторы минуты способен уложиться, а больше и не надо. Большой минус этого полуавтомата - магазин на пять патронов, типично охотничий. Надо бы как минимум на десять сделать, а еще лучше на пятнадцать - но когда? Сейчас бы отбиться, выжить.

- Движения нет! - докладывает снайпер ОМОН, завершая работу.

- Плюс, - подтверждает контролер.

Я забираюсь на мостки - у бортов мостки, чтобы через борт стрелять, чтобы осмотреться.

– Мужики, мне винтовку пристрелять, – предупреждаю.

Зачем мне, с корочками депутата, ходить с конвоями в головной машине и заниматься смертоубийствами? А потому, дорогие мои, чтобы смертоубийство не совершили в отношении меня. Как выразился один чел с завода – причем не работяга, начальник цеха, – ты-то, Саш, нормальный, на свой счет не бери, но как слышу слово «депутат», так в глазах темнеет и рука сама к автомату тянется. Сильно власть народ обозлила... даже не власть, а некое неформальное, но устойчивое сообщество, сохранившееся еще с советских времен, и обнаглевшее настолько, что не видело никаких краев ни в накоплении, ни в чем. У нас человек был, с Москвы, рассказывал, там перед Шереметьево и перед Домодедово целые завалы из депутатских машин. Внутренние войска и десантура встречали стремящихся оказаться как можно дальше от немытой России народных избранников и спрашивали с них за все хорошее.

И долго придется власти восстанавливать доверие народа, ой долго. А чтобы этот процесс шел быстрее – надо показать, что ты – такой же, как и все, и проблемы у тебя – такие же, как и у всех, и живешь ты одной с народом жизнью. Тогда начнут доверять. А если выяснится, что ты и в бою на что-то годен – тогда будут уже уважать.

Ну и вторая причина, почему я здесь – у меня тут знакомые есть, в Челнах. Надо бы поведать, поговорить, если живы.

Девяносто точка девять. «Брежнев-ФМ».

По точке на плакате я пристрелял винтовку заново, тремя выстрелами. Через трубу полюбовался, как легло, передал винтовку назад.

– Видите что-то? – поинтересовался ОМОН.

– Нет, минус. Думаю, можно.

Омоновец взялся за рацию.

– Ослу – Птаха, Ослу – Птаха. Нитка свободна, выдвигайтесь...

Нам же надо пройти плотину и занять позицию на прикрытие, чтобы караван не обстреляли со стороны города.

Челны Набережные – город необычный. Я как попал сюда в свое время – натуральным образом обалдел.

От дома до дома – целые поля, можно не один, а два дома еще воткнуть. Улицы – каждая с хорошим проспектом, плюс газон, плюс тротуар с обеих сторон, плюс еще газон и только потом – дом. Поговаривали, что такие широкие улицы в войну планировалось использовать как аэродромы для рассредоточения боевой авиации. Не знаю, так это или нет, но город реально очень просторный.

И мертвый.

Я это понял сразу, как прошли плотину и встали на другой ее стороне, чтобы обеспечить выдвижение конвоя. С города в нашу сторону шли мертвяки. Зомби. Они хорошо были видны на ухоженной, как и подобает Татарстану, трассе. Они шли на поживу, мы привлекали их, как акулу привлекает кровь.

Похоже, что с этим городом кончено, анклавы если и уцелели, то небольшие. Причина? Скорее всего, аэропорт. Это не Ижевск – медвежий угол, сюда лоукостеры летали, «Победа», кажется. Вот с ними, видимо, и пришла в город беда. Добавьте ко всему хоплофобскую позицию местной полиции, отсутствие воинских частей – и дело сделано.

Оставшиеся без оружия и без помощи люди просто погибли, будучи не в состоянии себя защитить.

Зачем мы сюда? Причина одна – «КамАЗ». Там столько техники бесхозной должно остаться, что бросать ее – просто грех. Плюс – последние несколько лет в Челнах работал завод спецтехники. Там собирали такие интересные вещи, как «Тайфун» – бронемашина, которая по кругу держит 14,5. И еще много чего. Вот это если угоним – двойной плюс. А потом надо будет думать. Если даже город погиб весь, в деревнях наверняка остались анклавы. Как они собираются жить? Смогут ли они взять оружие и держать хотя бы ключевые точки? Если удастся освоить ремонт грузовиков – большое дело будет.

И дело не только в самих Челнах, рядом, на том берегу реки – Елабуга. Если бы не пятнистый генсек, с...а – там бы сейчас работал второй «АвтоВАЗ», корпуса были во многом уже готовы. Но и сейчас там немало всего – нефтяное оборудование, сборка «Фордов» (она, кстати, и в Челнах есть), завод спецавтомобилей, сборка тракторов «Беларусь». Землю-то на чем пахать будем, а? Скоро вся загрантехника из строя выйдет, да и не нужна такая мощная. А простенький «Беларусь» – в любом колхозе сгодится.

Снова поработали омовцы, потом и я подключился. Отстрелял еще магазин. На плотине появился конвой. Два десятка машин. По-хорошему надо было бы проверить, не заминировано ли там все, а то сейчас как рванет. Но чистить плотину нет пока ни сил, ни желания.

Потом, если что.

От колонны ускорился, выдвигаясь, бронированный инкассаторский «УАЗ» – и мы пошли дальше, давя колесами то, что когда-то было людьми.

Поделюсь опытом: если вам надо остановиться в замертвяченном городе, ищите прежде всего отделение банка.

Отделение банка – это чаще всего отдельно стоящее и укрепленное по нормативам здание, а кассовый узел укреплен дополнительно, его и из РПГ не всегда возьмешь. Окна чаще всего тоже укреплены, как и дверь – хрен кто вломится, а кассовый узел можно использовать как комнату безопасности. Ну и... обычно там какой-никакой комфорт есть...

Короче, мотайте на ус.

– Ослу – Птаха, Ослу – Птаха. Вышли на Мусы Джалиля.

– Принял.

– Правее, – показал омовец.

Я всмотрелся – неплохо. Здание какое-то, отдельно стоящее, девять этажей, и внизу встроено-пристроенный магазин. И аж два банковских отделения – «ВТБ-24» и сбер. Может подойти...

– Ну?

– Имеет место быть, – сказал я, – сейчас запустим.

У нас на всех машинах есть дроны. Не такие, какие восьмисотое производство выпускает, а простые камкоптеры, китайские, некоторые всего тысячу долларов стоят... стоили. Работают они не через спутник, управление напрямую. И если телефонная сеть пока не упала – они работают. А как упадет – у нас вроде кто-то уже перепаивал на радиоканал. Или тупо прикрепил камеру, облетел, приземлил, видео посмотрел. Конечно, это не поток – но...

И еще чем привлекает это здание. Господствующая высота – но при этом, чтобы занять ее, вовсе не обязательно чистить все здание. У подобных многоэтажек – а она похожа на общагу, – сбоку обычно пожарная лестница. Вот по ней можно забраться на крышу, заблокировать выходы – и сиди сколько нужно. Зомби наверх не поднимутся, для них и обычная лестница – проблема.

Камкоптер поднять – ни разу не проблема, ставишь на любую ровную поверхность, даже на крышу «КамАЗа» – и он полетел. Там четыре небольших электродвигателя, и все. Но на километр-другой от себя все увидишь...

– Птичка пошла!

Изображение идет, причем чистое – то есть связь еще работает. Обеспечивает кто-то? Вниз уходит серятина улицы, брошенные машины, город с высоты кажется намного менее уродливым. Главное – не отвлекаться, пока стрелки со всех сторон одиночными бьют по целям.

Так, правее. Надо пробить Казанский проспект и Мусы Джалиля. Что там – зомби, баррикады, ракетчики на крышах?

Ухожу правее. Город плывет перед глазами... вон там, кажется, баррикаду пытались делать, но как сделать баррикаду в таком городе – я не представляю.

Горит в нескольких местах... в брошенном городе всегда начинаются самовозгорания, а тушить некому... и зомби, зомби, зомби. Почти всегда бесцельно стоят, некоторые даже лежат. Но упаси бог подойти без автомата...

- На Казанском, похоже, можно пройти. Ухожу на Джалиля.

«КамАЗ» - главные корпуса - как раз в конце Казанского, но я туда не рискну.

- Движ слева. Быстрый.

- Внимание на пулемете. Движение - на девяти часах от нас!

Быстрый - мы не знаем, что это за твари. Возможно, они вырвались из какой-то лаборатории... найти бы того ученого... я бы ему специальную казнь придумал. Медленную. Но они опаснее всего, что мы до того видели.

Короткая из пулемета. Еще одна.

- Попал?

- Не. Ушел.

Эта тварь одним прыжком может запрыгнуть в «КамАЗ» и всех там порвать, вот почему у нас сверху наварена на стояках еще и крыша - два слоя сетки-рабицы, это для того, чтобы никто и ничто не могло запрыгнуть в кузов сверху. Так что пока мы в «КамАЗе», мы в относительной безопасности, но именно что в относительной. При спешивании она снова может проявиться.

- На Джалиля большой пожар, - докладываю я, - но так чисто. Возвращаюсь.

Еще из пулемета.

- Ослу - Птаха, Ослу - Птаха. Подтягивайтесь, мы в начале Мусы Джалиля. Налево на развязке.

- Принял.

Это опорный пункт, он нам поможет выскочить, если что. Как только подойдет конвой, мы пойдём дальше.

Камкоптер падает на рабицу. Ещё выковыривать его оттуда, а люк сделать нельзя.

– Птичку принял.

– Начинаем движение.

Первое действие, которое следует сделать при занятии какого-то здания – оценка ситуации. Обьедь, если не на чем – обойди, проверь. Состояние окон, дверей, если открыты или выбиты – есть ли чем завалить или заблокировать. Следы крови, пуль, волочения. Есть ли на окнах решетки, можно ли перепрыгнуть или запрыгнуть с соседней крыши. Есть ли пожарная лестница. Сколько вообще входов и куда они ведут.

Наконец, есть ли выжившие.

Только потом заходи. Проявляя при этом осторожность. И если к тому есть возможность, зачищаемое здание лучше заблокировать с двух сторон.

«КамАЗ», ревя движком, начинает движение. Кузов кренится, мы хватаемся за борта. Поднявшись по лесенкам и заодно развалив их, оказывается на площадке. Таранный бампер сносит какую-то мелочь на газоне.

– Справа, работаю.

Автомат начинает бить одиночными. Вообще хорошо, что глушаки у всех, иначе бы полгорода сбежалось.

С хрустом что-то снова ломается. Мы идем дальше.

– Внимание, лестница.

Лестница пожарная, на крышу. Но пока не время.

За зданием – какая-то грязь, и самое страшное – кости. Кто-то жрал.

– Нет движения.

– Машине стоп.

– Конвой на подходе.

Все, теперь нам тут стоять до завершения зачистки.

С подошедшего конвоя сгрузили щиты и клетки.

Схема зачистки помещений в городе довольно простая и уже нами отработанная. Главное – щит. Он не такой, как в ОМОНе или спецназе ФСБ, но «такой» и не нужен. Достаточно обычного каркаса, на который туго натянута сетка-рабица или наварены арматурные прутки. Такой щит сбивает атаку любого зомби, даже быстрого, а если его поставить на упоры – у него сзади уголки, чтобы можно было поставить как ограждение, – его можно вообще ногой или коленом придерживать и стрелять. Обе руки свободны.

У того, кто работает со щитом, – пистолет «Грач» либо пистолет-пулемет «Кедр». Таким образом, щитовик может вести огонь. За ним еще двое, с чем угодно – АК, ППШ, «Вепрь-12» или «Сайга», – если уж совсем по-бедному. Они, прикрываясь щитом и щитовиком, также ведут огонь. Вся тройка видит, что перед щитом и куда стрелять, при наличии опыта стрелять можно и через щит.

Кто нам это ставил? Да ОМОН...

Есть еще клетки – это нечто другое. Мы чистили Сарапул, там потери были, мы тогда еще неопытные были – наворачули, как говорится, медку полным хавальником. Начали думать. Варится каркас. Из самого простого уголка. Каркас ставится на примитивное шасси... отлично подошли контейнеры от «Магнита» – ну, знаете, такие стандартные складные тарные места – контейнеры, которые они по магазинам развозят, – у нас на Воткинском шоссе за бывшим металлургическим заводом «Ижмаш» большой распределитель их стоял, вот там и взяли. Их только немного модифицировать надо было. И главное – чтобы колеса

на металлической основе были, а не пластик, как мебельная фигня. Делается еще и каркас на всякий случай – большие панели из тонкого прутка, сваренные крест-накрест и крепящиеся на болтах. Вся эта штука со всех сторон закрывается сеткой-рабицей – сетка у нас хорошая была, сказать нечего. И все. Внутри два стрелка, они передвигают эту халабуду по местности и стреляют. Зомби – а что им сделают зомби через сетку-рабицу, которая хорошо, с гарантией приварена? Ничего. Только схватить могут – чтобы тут же пулю в башню словить. Главное, чтобы у стрелков патронов хватило, да еще с ума не сойти – потому что трындец там полный, потом водкой отпаиваем. Некоторые противогаз надевают. Потому что на самом деле и дышать нечем и... мерзко, просто мерзко. Промышленный респиратор – обязательно. Но как придумали это – потери у нас тьфу-тьфу... до нуля почти. И работа идет быстрее – потому что зомби тупые, они видят человека и идут. Им невдомек, что до него не добраться.

Короче, достали, быстро собрали – говорю, она на болтах собирается-разбирается, чтобы в «КамАЗ» ушло. Это первая линия, вторая – тройки со щитами. Они будут работать там, где не пройдут клетки. На этажах и все такое. У нас, кстати, и клетки на одного есть, в них можно и на этажах работать, но их пока не сварили...

Пять штурмовых пятерок пошли в здание чистить. Скорее всего, все здание чистить не будем, нам надо убедиться лишь в том, что зомби на этажах надежно заблокированы. Выставив опорный пункт – фишку на сленге, – пойдём дальше, прямо на завод.

На стрельбу зомби подтягивалось все больше и больше, некоторые бежали – но трем автоматам противопоставить было нечего. Тем временем «УАЗ», руководствуясь нашей наводкой, подрулил вплотную у стене, к лестнице, открыл верхний люк – и наверх пошла снайперская группа. Двое с винтовками – СВД и «Рекорд-338», один с РПК. Я их страховал, отслеживая своим автоматом – на случай, если какая тварь сунется через окна.

И тут прошел доклад по связи, лично меня шокировавший.

– Тут выжившие!

Выживших было пятеро. Четыре девчонки и парень, парень, кстати, раскис больше всех. Девчонок тоже трясло. Но они были живы, по нынешним временам – самое главное. Как говорил Валерий Лобановский – счет на табло.

Я опросил одну из них, она была более адекватна, чем другие. Спойл ей чекушку сарапульской, она немного пришла в себя. Как оказалось, они все работали в банке, у одной из них был день рождения – потому приготовили стол, были продукты. Еще в магазин соседний сходили, пока можно было. Была еще вода в кулерах, пустые бутылки заполнили. Большинство решило идти домой, хотя было понятно уже, что все, хана. Оставшиеся так здесь и сидели, ждали непонятно чего. Помощи.

Пятьдесят с лишним дней. Впятером...

– А можно мне...

Я покачал головой:

– Развезет на голодный желудок. Приедешь домой – выпьем. За твое спасение.

Она недоверчиво смотрела на меня:

– А вы... армия?

– Нет. От завода мы. Если хотите... уйдете с нами.

– У меня... родители.

Я покачал головой:

– Вряд ли они выжили. В любом случае задерживаться здесь мы не можем.

После того как фишку мы установили, зомби на проспекте навалило столько, что головной «КамАЗ» вынужден был преодолевать импровизированную баррикаду из тел с разгона – пошли прямо на завод. Это было самым простым – ровный,

прямой, широченный проспект, любое препятствие на нем можно просто объехать. И несколько десятков автоматов и пулеметов, которые могли снести любое препятствие на дороге...

Проблемы нас ждали дальше.

«КамАЗ»... проблема в том, что там нет высотной доминанты. У нас на автозаводе, в Тольятти, они есть, это здание заводоуправления. Поднимаем на крышу снайперов и пулеметчиков – и вот ты ползавода как минимум контролируешь. Здесь этого нет. Единственная доминанта – трубы ТЭЦ, от них до площадок готовой продукции – два километра. Если бы даже у меня было навалом боеприпаса 338 калибра, все равно работать им по зомби – бред.

Встали на клеверной развязке, ведущей к заводу, машины разъехались, чтобы вести прицельный огонь на все стороны света. Поле – во все стороны, простреливается все на километр с лишком. Тем временем мы собрались на совет еще раз и квадрат запустили.

Выработали план. Простой, но надежный. Основой послужило то, что цеха – они все одинаковой этажности, и крыши плоские. Подгоняем технику – после чего выходим на крышу все. Рассредотачиваемся и начинаем работать. Затем спускаемся и занимаем открытую площадку готовой продукции – их, кстати, две. Чистим ее. После чего идем работать в цеха. Заодно посмотрим, нельзя ли с крыши.

Сказано – сделано. Подошли на скорости, снесли часть ограждения. Там, кстати, на проходной «Скорая» и менты были, надо пошукать насчет оружия потом – АКС-74У сейчас в почете. Вплотную притерлись к цехам, выставили легкие, штурмовые алюминиевые лестницы. Первые, кто забрались – сбросили еще и веревочные, а также подняли лебедку, закрепили и спустили трос. По ней мы поднимем заранее заготовленные запасы боеприпасов и жратвы с водой. На всякий случай.

Поднялись – без ЧП. Рассредоточились, начали работать. Техника отошла. Появились опять твари... одну свалили, две ушли.

Выставили двух снайперов с мелкаными – они будут работать в сторону площадки готовой. Там автоматными лучше не делать – повредишь технику. А

мелкан, да еще с глушаком – самое оно: свинцовая пуля даже металл кабины вряд ли пробьет.

Тем временем мне удалось один трюк. Я поднял квадрик – уже с крыши, – и мне удалось навести его на тварей, которые далеко не ушли, залегли в поле. Я по связи обозначил цель, после чего начал опускать дрон все ниже и ниже. Одна из тварей не выдержала, за ней другая. Бросились – после чего по ним открыли огонь из двадцати стволов.

Завалили.

После того как из всех стволов отработали с крыш и прогнали объявившихся монстров, настал третий этап зачистки – внутренка. Самый мерзкий, потому что на этом этапе больше всего жертв.

Богу помолясь, двинулись...

Я был со всеми, в кузове головного «КамАЗа» – во время таких вот зачисток людей всегда не хватает, поэтому участвуют все. Оружие – АКМ тот же самый, просто вместо рожка я банку к нему примкнул. Банка у меня одна, как израсходуется – дальше пойдут уже рожки.

Времени много потребуется, цеха вон какие громадные. С другой стороны, они и простреливаются хорошо.

– Всем стоп! Дверь!

Двери бывают распашными, сдвижными и подъемными. Эта была самая простая – распашная. Интересно, когда началось – выходной день был или рабочий? Если рабочий, то в цехах сейчас ад сущий.

Помощник водителя откидывает люк со своей стороны – а там не стекло, там стальная плита с бойницами – и длинной кочергой цепляет трос за ручку двери. Выходить из машины нельзя, только в крайнем случае. Как только трос зацеплен, машина начинает сдавать назад. Тут нужна осторожность еще и

потому, что трос может оборваться и хлестнуть по кабине.

Трос натягивается – но он трехжильный, специально для этого подобранный... с треском ломается засов, ворота раскрываются...

Движения нет. Все ждут.

– Движение, огонь!

Появляются первые мертвяки. Судя по обрывкам синих роб – бывшие рабочие завода. Бьют первые одиночные.

Эти не самые опасные. Самые опасные будут дальше.

– Движения нет.

– Плюс. Машина разграждения пошла!

Головной «КамАЗ» – как машина апокалипсиса, на нем спереди рама с неким подобием бульдозерного отвала – это машина разграждения. Но даже такая машина не делает нас менее уязвимыми.

– Внимание, справа!

Открываем огонь, вторя ему, глухо резонирует пространство, звук гуляет. Все-таки есть и что-то хорошее – цеха сейчас строят так, что пройдет грузовая машина.

– Осторожнее, смотрите, куда стреляете!

Зомби бывают двух видов – медленные и быстрые, – это если не считать тварей, которые вообще неизвестно откуда берутся. Быстрые – те, которые успели перекусить. Мертвечиной, живыми людьми – им все равно.

Но пуля остановит любого.

Впереди бьет пулемет, значит, что-то крупное.

– Монстр, уходит влево! Он на крыше, на крыше!

– Огонь, огонь!

Со второй, идущей за нами машины так же дружно открывают огонь, и непонятная тварь, которая умеет прыгать на крышу и цепляться хвостом, как обезьяна (может, это и есть обезьяна, изуродованная в ходе преступных генетических экспериментов), вдруг срывается и падает. Внизу ее добивают.

Техника впереди, она стоит ровным рядком – вожделенная для нас техника. Восемь... нет, там вон еще два стоят – десять готовых «Тайфунов» – это, считай, колесный, защищенный от взрыва бронетранспортер, по кругу он держит 14,5 КПВТ, так что БТР ему не страшен, лоб – говорят, 2А42 держит. Это уже БМП, даже круче. Плюс восемь кэгэ тротила под каждым из колес. Дальше стоят еще три машины на четырех осях. Это транспортные, у них бронирована только кабина, зато грузовой отсек – запросто контейнер везешь.

А «Тайфуны» – мало того что они полностью собраны и готовы к отгрузке, так на четырех из них еще и дистанционно управляемые пулеметные установки. Это делает «Тайфун» полноценным тяжелым БТР. Из такой установки только тварей и отстреливать, из машины не высовываешься, а пулеметная пуля пополам рвет.

Потом стоят новые тяжелые джипы – шесть штук. Это то ли легкие броневики, то ли еще что – короче, для армии, чтобы не хуже, чем у американцев. Человек восемь влезет. Бронированные – но пулеметов нет ни на одном.

Дальше – новинки, собирали для госиспытаний и прочего. Вон там стоят бронетранспортеры уже полноценные, похожие на южноафриканские «Ратели», их четыре штуки. Здесь – пулеметные установки уже на всех машинах, причем на двух – похоже, стандартные башенки от БТР-82, со спаркой КПВТ-ПКТ. Лучше БТР однозначно – они и мину противотранспортную выдержат, и броня у них получше, обзор с места водилы – не сравнить, а главное – они все на «камазовских» движках и агрегатах. Починить – снял с грузовика и починил.

Дальше стоят «Медведи», тоже четыре штуки. На двух еще весовые макеты, а вот на двух – полноценные огневые установки тридцать миллиметров. Это машина наподобие новых американских джипов, которые больше «Хаммера», она готовилась на конкурс для ВДВ. Размером она с «ГАЗ-66», даже побольше, человек восемь точно вместит, где хочешь пройдет. И если шмалять начнет – мало не покажется, тридцать миллиметров, причем те самые тридцать, которые у нас на заводе делали, авиационные тридцать миллиметров.

А дальше стоит что-то, что сразу внушает уважение. В количестве двух штук. Это как «Тайфуны», только не три оси, а четыре. В них человек двадцать поместится, судя по длине. И один с пулеметом.

Если посмотреть с другой стороны – есть еще семь машин в настолько высокой степени готовности, что сборку сумеем завершить уже мы сами. После чего все перегоним сначала в Елабугу, а потом в Ижевск, на нужды формируемой армии. С десятков БТР и БМП у нас уже есть, плюс многочисленные инкассаторские машинки, плюс это – и вот у нас уже не бог весть что, а кое-что.

Только «гоп» не надо говорить, не перепрыгнув.

– Фаза четыре!

Разграждение. Окончательная зачистка, и везде мы вешаем толстую проволоку, если нету, то можно заменить на паракорд. Смешно, но зомби от нее шалеют – почти никогда не могут преодолеть, тупо ломятся вперед и не понимают, что их останавливает.

– По два человека, – опытные бойцы напоминают правила, – смотрим по сторонам и под ноги, руками не суемся лишней раз, фонарем светим, друг друга страхуем.

Еще один прием – фонарь. Если он мощный – то зомби слепнет на несколько секунд.

– Все, кто не в досмотровых группах, – на машины, наблюдение вести, о движении докладывать, по секторам огня не шараться.

Это тоже правильно. Когда идет досмотр, от скорости и точности выстрела зависит многое, и потому стрелки должны быть уверены, что те, кто в зачистке не участвует, находятся за ними, а не перед ними. Упаси бог, если начнется стрельба и в зоне огня будут находиться празднующие.

- Пошли!

Наша машина проходит максимально вперед и занимает защитную позицию – теперь наша задача вести наблюдение и заградительный огонь.

- Я проволоку повешу.

- Давай.

Это надо делать либо в самом начале, либо совсем не делать.

Я примерно прикидываю – монстр и под полтинник зомби, основной завал все же в городе был. Негусто. Скорее всего, как было: когда началось, мало кто пришел на работу. Но кто пришел – кто-то уже был покусан и обратился здесь, а потом покусал остальных. И монстр сюда забрался... непонятно только, как.

Я представил себе такое у нас – стало страшно. Все-таки нам сильно, очень сильно повезло. И аэропорт открыть не успели, и объезд через Сарапул, и дорога железная – магистрали не через нас идут. И понятное дело – оружие. Без него бы не выжили. Сейчас правило простое: есть ствол – жив, нет – не жив.

Внезапно – мат и несколько выстрелов из пистолета. Покусили!

Мать твою...

Тревожная группа срывается и бежит... зомби, так и есть – на полу с разбитой головой. И мужик рядом – в спецовке, ногу прикрывает, рядом – «стечкин». Опасались, что в машинах могут быть, – а он, гад, под машину забрался.

И цапнул, как подошли.

- Прокусил?

Мужик – белый как мел, понимает, что сейчас решается вопрос о его жизни и смерти.

– Не.

– Точно – нет?

– Говорю тебе – нет.

– Покажи.

– Дим, успокойся и покажи.

Мужик отнимает руку, туда сразу же плескают ацетона (спирт жалко на такое дело), потом смотрят.

– Не, – с облегчением, – не прокусил.

– Пожарные. Хрен прокусишь.

Оно так. Прежде чем голову пеплом посыпать да орать – все пропало, – ты в рабочий магазин зайди и посмотри, что там есть. Человечество веками работает с опасными материалами – со стеклом, с расплавленным металлом, с огнем. И кое-какой опыт накопило. Перчатки и нарукавники из кевларового вязания – это для работ со стеклом. Полный костюм – поддевка из такого же материала – это для сталеваров и электриков. Он кратковременно тысячу градусов выдерживает, ну и хрен прокусишь, конечно. Перчатки с кольчужным плетением – это тоже для грузчиков, работающих на погрузке стекла. Банальный ватник – его и то хрен прокусишь. Костюмы для спецназа, для танкистов, для пожарных – все, что выдерживает высокую температуру, выдерживает и укус. Пожарные сапоги. Наконец, самое примитивное: берешь сетку-рабицу с самым мелким плетением, какую только нашел, и делаешь из нее онучи, защиту на руки, на ноги – самое уязвимое, за задницу тебя вряд ли укусят. Если сомневаешься – проверь. Собака прокусит – нет. Если не прокусит собака – не прокусит и зомби.

Не стоит сдаваться раньше времени. Что бы ни происходило.

- Руку давай...

Повесили проволоку, теперь легче будет.

Я перекидываю неполную банку на обычную РПК - «сороковку». Банку сую в подсумок. Потом пополню, не помню, сколько выстрелил.

Больше покусанных не было - это, кстати, высший пилотаж, но мы не первый день, как говорится, замужем, и за крайний месяц у нас потерь вообще в отряде не было, даже среди небоевых - бывших работяг и шоферов, которые только автомат в руки взяли. Контроль снова перешел от военных к гражданским, то есть ко мне, и я уже назначал экипажи на машины и организовывал заправки, как на связь вышли снайперы с крыши:

- Глаза - Птахе, Глаза - Птахе.

- Плюс.

- Движение, справа по дороге. Три единицы.

- Военные?

- Минус. Один мент. К нам.

- Принял, сейчас подойду.

И уже своим:

- Мужики, ну е-мое, сколько можно с заправкой сношаться? Цепляйте через двойник. И одну машину, что заправили, - на выезд. Ту, что с пулеметом.

- А чо пулемет?

- Вон ту, со спаркой! Кто на бэтре служил - на пулемет, живо! Не тормозить, мужики, у нас гости!

Мужики оказались местными. Два джипа, один из них ментовский «Патриот», и «КамАЗ», разнообразное, но не лучшее вооружение. Карабины гражданские. Два АКС-74У, один мент в форме. Интересно - он меня что, этой формой напугать типа хочет или как?

Придурки...

- Глаза - Птахе, Глаза - Птахе.

- Плюс. Один на прикрытии, остальные секут.

- Плюс.

Я вышел ближе к ограждению, но дальше не пошел. Эти помахали - но вынуждены были подойти. Теперь между нами забор, что немаловажно. Обосновывается просто - я тебя первый раз вижу, мужик, а ну как ты покусанный.

- Салам алейкум.

- Ва алейкум салам, - неуверенно отвечает один. Это хорошо, потому что в Набчелнах до Катастрофы было ваххабитское медресе, его даже разгоняли, помнится. И хрен знает, куда сейчас делись эти упоротые. Стволы у них наверняка в нычках были.

- Чего надо, мужики?

- А ты кто? - спрашивает мент.

- Депутат Дьячков.

Когда вопрос вставал, как представляться, я решил, что буду представляться депутатом. Все-таки старые нормы и понятия все еще сильны, особенно у бывших представителей власти. А депутат даже районного совета – это на языке правоохранительных органов спецсубъект, против него просто так уголовное дело не возбудишь, и много чего другого нельзя.

Левой рукой показываю удостоверение, чтобы вопросов не оставалось. Конечно, сейчас это не тогда, и депутатов и тогда мало кто уважал. Но если кто не уважает – для того у меня есть АКМ и броник. Это не может не внушать.

– А вы чего здесь?

– Ты для начала представься, сотрудник.

Мент думает. Слово «сотрудник» в ходу у тех, с кем лучше не связываться.

– Капитан Алыпов.

– От и хорошо.

Главное – не задавать вопросы и вообще никак не помогать, а заставлять противника самого вести стремный базар.

– Так вы чего здесь?

– Завод зачистили. Продукцию вывозим.

Вступает в разговор другой мужик – у него АКМС. Похоже, этот и есть главный, а мент – родственник его, вероятно.

– Это наше. Так-то.

Я сделал приглашающий жест рукой.

– Ну, раз уж ты приехал, заведи, что тебе надо и сколько надо. Площадку мы зачистили, сколько «КамАЗов» тебе надо? Семь? Восемь? Забирай.

Мужик подумал, потом выдал:

- Нам все надо.

- Что значит все? У тебя есть водилы, чтобы их перегонять? Есть где поставить? С какой это радости - все?

- Ну... наши они.

- Документы покажешь?

Мужик явно блуждал в трех соснах нашего разговора. И понятно, что в качестве ответа выбрал он агрессию.

- А у тебя есть документы? Мы живем тут!

- Ты живешь тут? Где ты тут живешь? В городе? Покажи.

Мужик посмотрел на меня. На омовцев сзади, на автоматы. На выкатившийся БТР с пулеметом.

- Ты свалил из города, - раскинул перед ним немудреный расклад я, - потом, когда мы приехали и пробили коридор, ты приезжаешь сюда и говоришь, что завод - твой и готовая продукция твоя просто по факту, что ты тут живешь, так?

Я посмотрел на мента.

- А ты, капитан Алыпов, когда все это началось, долг свой исполнил? Или тупо свалил и сейчас где-то на продбазе подъедаешься? Ты хоть видел, что в городе творится? Мы пока сюда прорывались, я лично три рожка расфигачил. А ведь ты тут отвечаешь за правопорядок. Ну и где здесь правопорядок?

Ответить было нечего.

- И какой это ваш город, когда по улицам не пройти?

- Не, ну а ваш, что ли?

Тупой.

- А почему нет?

- Вкуривай - сейчас тебе принадлежит лишь то, что ты можешь отбить у других, и главное - у зомби. Моя земля - это фигня полная, бла-бла-бла. Можешь защитить - она твоя. Не можешь - не твоя. Вот мы можем.

Аккомпанементом беседы звучали одиночные - продолжался отстрел.

- Вы где сейчас базируетесь?

- В деревне... - мужик сообщил название.

- Сколько вас уцелело?

- Человек пятьдесят. Я сразу рванул, как началось. Понял, что жопа всему настала.

- Вот, умного человека издалека видно. - Иронии он не понял. - Сам тут работал?

- Не. Вон, Решат работал. Я дома строил.

- Бригада своя была?

- Три.

- Вот и отлично. Завод запустить заново сможешь? Хотя бы на ремонт?

Мужик ушел в астрал, соображая. Потом сказал неуверенно:

- Попробовать, конечно, можно.

- Так попробуй, что мешает?

- Стволы мы тебе подкинем - в обмен на продукцию. И на услуги по ремонту. Создавай анклав, подтягивай людей, нечего по деревням сидеть, гаситься. Ремонтировать будешь - все хлеб, люди к тебе потянутся. Лады? Валамон?

Мужик думает... хотя думать тут нечего. Потом вдруг выдает:

- Мужики, а вам еще броня нужна?

- Не вопрос, слушаем.

- Тут есть фирма, «Астейс» называется. Она броневики делала, на две и три оси, и еще они, кажется, выполняли заказ «Росатома» на машины для атомных станций, перевозки опасных грузов и такого прочего. С виду обычный «КамАЗ» - но там броня, пулемет стопудово держит. Если их не успели вывезти - там их штук двадцать, не меньше, отвечаю. Я это знаю, потому что кузова тут, на производстве делали. Брательник варил. Лазером. Короче, если добазаримся...

- О, вот это уже тема. За это мы тебе уже бабла подкинем. И оружия с патронами. И дальше дружить будем. Щас тут дочистим, и поехали, покажешь...

Мужик не обманул - рейд дал еще лучший результат. Двадцать четыре «КамАЗа» для «Росатома», девять банковских, с бронированием от АК, девять легких БТР на двух и трех осях, на каждом из них по восемь-десять солдат, и можно примитивную башенку с ПКТ или спаркой разместить. Восемь броневиков для каких-то других заказчиков. И в цеху нашли еще до двадцати бронекабин и бронемодулей в высокой степени готовности, которые за сутки можно поставить на шасси «КамАЗа» - и будет такой же броневик, как и эти. За наводку мы отмаслали и деньгами, и оружием, и патронами, и официально назначили мужика нашим представителем здесь. После чего Решат совсем раздобрел и сказал, что есть еще одно место, там тяжелые четырехосные шасси стоят для Тулы и Мотовилихи, на установку «Панцирей» и самоходных гаубиц «Коалиция». Кузовов нет, шасси усиленные, а кабины бронированные, как минимум АК должны держать. И там их тоже до хрена могло выходить - штук этак двадцать,

и там еще могли быть трехосники с бронированными модулями в кузове. Но мы решили двинуть туда на следующий день, так как стемнело.

Ижевск, бывшая Россия. Комплекс «Биатлон»

Девятьсот тридцать первый день Катастрофы

Эмвэдэшники устроились хорошо. С комфортом устроились.

На Воткинском шоссе есть здание ГАИ, оно новое совсем, строили уже после развала СССР, и недалеко – здание райотдела, которое незадолго до катастрофы поставили. А там дальше по трассе, за пустующими цехами «Буммаша», – квартировал ОМОН, и в высотке – отдел по борьбе с экономической преступностью, бывший. И теперь там же ОРЧ-6 – оргпреступность. И рядом со зданием ГАИ строился целый микрорайон новый, высоток. Большинство из них к началу катастрофы не были заселены. Вот полиция, как только все началось, и начала переселяться. Все равно – какая сейчас ГАИ, кому она нужна, никакого учета машин нет – не до того. В здании ГИБДД – а оно строилось с размахом – заселилось министерство, сотрудники в основном переехали в жилгородок, а начальство – в коттеджный поселок «Биатлон» и близлежащие. Часть жилья там пустовала, а если и не пустовала – то вопросов хозяева не задавали.

Что касается меня и моего отношения к полиции... давайте не будем, а? Все равно ничего и никогда не изменится, хоть небо на землю упади. Я как-то раз читал воспоминания о жандармской службе начала прошлого века. То же самое. Все точно то же самое. Хоть плачь.

У меня есть друзья. Если что – они мне помогут. Все.

Свернули на «Биатлон». Там стоял пост внутряков, у них был БТР. Понятное дело, сохранность собственной задницы важнее всего на свете. Помимо прочего, весь поселок был обнесен двумя рядами трехметровой сетки-рабицы с кинутой поверх колючкой. Не пройдет ни зомби, ни даже монстр, если сюда выйдет.

Вот так вот живут наши правоохранители. Или – правоохренители. Короче, что охраняем, то и...

– Свои.

Старлей не убедился – посмотрел в салон, попросил открыть багажник. Депутатская корочка убедила – но не сильно.

Еще один головняк. В будущем.

Внутри были дома, коттеджи, обнесенные заборами, на многих домах дорожные кирпичные сломали, поставили сетку-рабицу – это теперь новая мода, чтобы простреливалось все. Играли дети...

Новосельцев – бывший зам (министр уехал за семьей и пропал, он не местным был, варягом) – был внешне компанейским мужиком около пятидесяти. Он не имел отношения к стремному по любым меркам ОБЭП, где приличных людей по пальцам одной руки, но не работал и в УГРО. До того как перейти в центральный аппарат замом, он возглавлял ГУВД Сарапула. А там всякое было... но сейчас не время.

– Привез, товарищ министр.

– Ага.

Министр – он был в спортивном костюме, один, и жарил шашлык, – улыбаясь, протянул руку.

– Как жизнь?

– Только держись.

Думаешь, я тебе верю? Ага, три раза.

Я ментам вообще не верю. Я верю конкретным людям. И от конкретных же людей знаю, какой кошмар всегда творился в органах. Это же змеиный клубок – друг друга подставляют, начальство сжирают, начальство создает кланы и вяжет людей совместно совершенными преступлениями, а кое-где и кровью. В Нижнем Тагиле сидели в основном либо лохи, либо те, кого сожрали и

подставили. Причем раньше – по словам знающих – было лучше. Раньше подсиживали тупо за должность, за продвижение по службе. Сейчас каждое место – это большие деньги, место начальственное – это огромные деньги. А еще Маркс... кажется, заметил что нет такого преступления, на которое капитал не мог бы пойти ради 300 % прибыли. Тут же прибыль стремится к бесконечности, потому что вложенного капитала нет, есть только отдача. Ну, это если ты должность не купил. Тогда вложенный капитал есть, конечно.

И еще одно. Не знаю, с чего это пошло, но в какой-то момент менты стали часто употреблять слова «моя земля». Сначала этот термин означал «территория, находящаяся в моем оперативном обслуживании», потом «территория, где мне все платят». А сейчас сами понимаете – эти слова могут приобрести совсем другой вес и значение.

Министр прошел к мангалу – он у него был старомодным, угольным. Взял опухало...

– Интересный вы человек... Александр Вадимович, – сказал он, раздувая угли.

– Чем? – спросил я.

– Вы хоть и в Госсовет не избираетесь, но мыслите... как государственник.

– Я мыслю как человек, который хочет остаться в живых.

Генерал сделал нетерпеливый жест – не перебивай, мол.

– Оставаться в живых тоже можно по-разному. Кто-то забился, как мышь под пол, а кто-то думает... большими масштабами, скажем так. Вашу служебку Синцов вкруговую направил. Масштабно мыслите.

Я пожал плечами:

– Наблюдательность, и не более того.

– Да нет. Просто вы не те выводы делаете, какие следовало бы. Вот возьмем нас. По факту мы уже не Удмуртия, мы – союз городов. Под нашим контролем –

половина Татарии, почти вся Кировская область. И не только потому, что у нас есть оружие, верно?

- Вопрос с Нижним вы правильно подняли, только выводы не довели до конца. Нижний фактически контролируют местные и подмосковные кланы. Мы контролируем Поволжье. Они представляют для нас опасность. Столкновение в будущем неизбежно. Следовательно?

Я снова ничего не ответил.

- Лучшая защита - это нападение. Нам следует ударить первыми.

- То есть - ударить?

- Вы один из немногих, кто много времени проводит за территорией республики. В Нижний ездит, торгует. Вот вы мне и скажите - осилим мы Новгород взять или нет?

- А зачем? - спросил я.

- Ну что вы как маленький. Зачем... Затем, что есть мы и есть они. И рано или поздно возникнет вопрос - кто главный, как в любом коллективе. Они хотят поставить крышу нам - почему нам не поставить крышу им?

Я слушал, не подавая вида, какое раздражение вызвали у меня эти слова. Вот есть же люди... я не знаю, откуда только берутся такие. Такая трагедия произошла, я не знаю... если нас тридцать миллионов осталось - так это очень хорошо, люди как могут выживают, весь мир как может выживает. Нам просто повезло - нас почти не затронула беда в силу целого ряда факторов. Но нет, мало нам проблем с замерзшими городами, с нарушенными путями, схемами движения товаров, с производством почти на коленке - так надо еще усугубить. Начать войну, тупо за то, кто кому отстегивать должен.

Откуда берутся только такие. Готовы хапать и хапать, и ртом, и ж...

Но и ссориться нельзя.

– Илья Игоревич... – сказал я, – Новгород хорошо укреплен, и там сходятся интересы сразу нескольких кланов с юга. А мы не можем себе позволить иметь их врагами, если нас отлучат от торго – будет только хуже.

– А я считаю, что не отлучат, – сказал Новосельцев, раздувая из углей пламя, – знаете, я хоть человек и простой, но тоже люблю поразмыслить на досуге. Так, чтобы мозги плесенью не покрывались. Вот у меня такой вопрос возник – почему, например, амеры на япошек ядерен-батон сбросили, два города у них сожгли – а узкоглазые их простили. А мы, к примеру, вперлись в Чехословакию в шестьдесят восьмом – ничего особенно, не бомбили даже, – и нас и через пятьдесят лет этим попрекали. Почему так?

Я пожал плечами.

– А потому, что это так и должно быть. Кровь прощают сильным. А мы слабость проявили – в нас и вцепились. Если бы не девяносто первый – чехи бы и сейчас нас в ж... целовали.

– Сейчас – вряд ли, Илья Игоревич...

– Ну, я утрированно говорю, ты понял.

Я подумал несколько секунд, подбирая ответ.

– Илья Игоревич... я полагаю, что вопрос о превентивном нападении на Новгород несколько... непроработан.

– Почему? – спросил министр.

– Тут есть тонкие моменты.

– Например?

– Видите ли, торг – дело сугубо добровольное. Никто не заставляет нас, татар или кого-то еще ездить на торг в Новгород, правильно? Просто так исторически сложилось. Если же кто-то силой будет брать Новгород и у него это получится

даже – добровольности больше не будет. И тогда что мешает остальным устроить торг где-то в другом месте, так? И получится, что мы пролили кровь, потеряли ресурсы, взяв в итоге пустое место. Это не говоря о том, что к нам все будут относиться с большим подозрением.

– А если подмосковная и новгородская братва объединятся и выкатят нам ультиматум. Типа хотите жить – идете под нас?

– Никто же не запрещает нам послать их в пешее эротическое, верно?

Министр задумался, потом спросил:

– Кто сильнее? Мы или они?

– Трудно сказать. У них есть несколько хорошо сохранившихся воинских частей в Подмоскovie – они, кстати, охотно у нас покупают все, что мы продаем. Другое дело – насколько командование этих самых частей поддержит какие-то бандитские движения. Они все-таки военные, у них свои понятия, хотя они вынуждены подстраиваться под тот мир, в котором мы все оказались. Ну и... вести боевые действия за тысячу километров от базы теперь, после Катастрофы, с противником, сидящим на хорошо укрепленной местности, опасно само по себе. Одно дело – действия диверсионных групп, и совсем другое – идти на захват и удержание хоть какого-то города. Ну ладно, что-то они захватили – а держать и снабжать как? Они же должны понимать, что мы на своей земле и добром не отдадим ничего.

Министр начал снимать палки с мангала, сбрызгивая их водой с лимоном из полторашки с пробитой крышкой.

– Я тебя понял.

Ижевск, бывшая Россия. Здание Госсовета

Девятьсот тридцать первый день Катастрофы

Удмуртия – вообще странное место во многих отношениях. В том числе и в системе власти.

Это национальная республика – как до Катастрофы, так и сейчас, – но при этом две трети населения составляют русские. Основных национальностей три – русские, удмурты и татары, – а сама республика создана уже Лениным из куска Вятской волости. Но при этом в республике есть Госсовет, как будто она многонациональная и сложная, как Дагестан, а президент избирается на Госсовете. В Госсовете ровно девяносто депутатов, хотя для такого населения – и это много.

Но в условиях Катастрофы эта система оказалась рабочей, только депутатов переизбрали. Совет превратился в собрание представителей трудовых коллективов, которые совместно решали, как выживать, и налаживали взаимодействие между собой. Совместный труд намного облегчал взаимопонимание, в труде сразу видно, кто партнер, а кто халевщик. По сути – вернулись лет на семьдесят, даже сто назад, когда заводы были центрами жизни и обеспечивали своих рабочих всем. У завода – и поликлиника, и колхоз подшефный, и жилье он строит и обслуживает.

Госсовет находится за горкой, где Вечный огонь, в здании постройки позднего Брежнева. Если стоять лицом к нему, то по левую руку будет так называемая президенция – здание главы республики, и рядом – правительства. Оно хорошо чем – это комплекс исторических и современных зданий бывшего Арсенала, он образует почти правильный замкнутый прямоугольник, который легко оборонять. Еще он находится на горе – господствующее положение, рядом или почти рядом две главные улицы города, идущие параллельно – Пушкинская и Удмуртская, последняя – это шоссе, она и переходит в Воткинское шоссе. От президенции – легкий доступ к большей части города по этим двум улицам, все отлично просматривается и простреливается, а кроме того, есть прямой выход через каскад площадей – прямо на набережную, а там и оружейный завод, хоть по земле, хоть по воде – там пристани стоят, и теплоходы есть. Ну и на площади же – две крупнейших гостиницы города: «Центральная» и «Парк Инн», где удобно жить командированным и иногородним.

После Катастрофы так получилось, что пришлось вернуться к системе власти ранних девяностых. Выбрать какого-то одного главу республики – значит, внести раскол уже на этом этапе, потому пришли к советскому решению. Есть правительство, которое ведет хозяйственные дела. Есть Госсовет, который является высшим органом власти, из Госсовета избирается президиум из двенадцати человек, которые работают на постоянной основе и не загружены ничем иным. Президиум Госсовета избирает председателя президиума

Госсовета. Таким образом – получалось удовлетворить худо-бедно все притязания на власть и каждого хоть по минимуму, но удовлетворить. Тем более что количество депутатов Госсовета было больше девяноста – каждая территория, переходившая под нашу руку, присылала своих депутатов.

Председателем Президиума Госсовета был Синцов. Он не был директором завода, и это было сделано по двум причинам. Во-первых, таких монстров (в хорошем смысле слова, вы не подумайте), как Белобородов, Собин или Чугуевский еще поискать, а во-вторых, Волков, тварь, сдал республику, и до Катастрофы все предприятия возглавляли пришлые, москвичи в основном. А Синцов был человеком интересным – уехал в Москву, сделал карьеру в госбезопасности, получил генеральское звание. Причем начинал он обычным опером в первом отделе «Ижмаша», где все опера – не отставные или в действующем резерве, а кадровые сотрудники госбезопасности. Так что хозяйственные дела он по минимуму, но знал. Когда все началось, он уже был в отставке и находился в республике... а в Москву ехать смысла не было никакого – к кому, зачем? Так он и стал сначала депутатом, потом членом президиума, потом председателем президиума. Он знал меня, а я знал его через Димыча – местного опера госбезопасности, моего друга, – как раз к нему я пришел, когда все началось, мы первыми организовывали сопротивление, когда все еще только клювами щелкали и думали, в какую сторону бежать, мы первыми на неофициальных контактах, в обход начальства собирали актив полиции, ГИБДД, ФСБ, местного УИНа, готовый реально действовать, а не ждать, пока пушной северный зверек всю разгуляется в городе. Димыч его и нашел. Синцова.

Машины сейчас бросали прямо на площади – никому до того дела не было, как удобно, так и делали. Собирались мы на совещание не в здании Госсовета, а в здании правительства, оно было построено замкнутым четырехугольником, с внутренним двориком. Внутренний дворик... сейчас его уже не было, там была постоянная казарма ОМОНа в городе и депозит – один из складов с оружием.

Внизу было все как и ранее, только грязновато – не до того. Надпись над рамкой металлоискателя – «Длинное сдаем в гардероб, короткое разряжаем в присутствии охраны». Но совсем без оружия никто не оставался даже здесь, причина – человек ведь может в любом месте умереть, потом встать и пойти кусать других людей. Тем более в таких местах, где власть – люди-то тут пожилые.

Помню, еще до Катастрофы здесь бывал... все шутил... борьба с терроризмом по-удмуртски. Где сейчас те шутки... где сейчас то время.

Около зала заседаний уже толпился народ... пока не все были. Я подошел, поздоровался, с кем по чину, тоже включился в разговор.

Через несколько минут в сопровождении двух прикрепленных из ФСБ появился Синцов. Разговоры смолкли, мы начали заходить...

Мой вопрос на Госсовете числился третьим, первые два – что делать с «Буммашем», который так и не удавалось поднять по-настоящему, и вопрос по строительству узкоколейных дорог.

Первый вопрос – «Буммаш», у нас в городе был завод бумагоделательных машин, на Воткинском шоссе. Он устарел, причем капитально, – да и кому сейчас нужны бумагоделательные машины, – но это была огромная территория с разветвленной системой ж/д путей, и самое главное – там сохранилась небольшая плавка спецсталей, то есть там по факту был третий металлургический завод! При СССР строили капитально, заводы полного цикла были, сейчас его сумели восстановить и запустить – на металлоломе. Но это один цех, а с остальным что?

Вроде как решили делать трактора с «камазовскими» дизелями – но со всем с этим были проблемы.

Второе – ветки. Сами понимаете, сейчас такого движения, как раньше, нет. Максимум десять вагонов идет – и надо думать о том, как работать. Использовать старый тяговый состав накладно – вы в курсе, сколько простой маневровый тепловоз соляры жрет? То-то.

Сейчас тяга переводилась на малые камбарские локомотивы, частично – делали, как в странах третьего мира, локомотили на базе «КамАЗов» и «Уралов» – два-три вагона они по-любому утащат, а больше и не надо. Но сейчас вставал вопрос о прокладке новых путей, прежде всего по торфу и по лесу. И того и другого сейчас много, леса особенно, в Кировской области, а новое строительство понятно, что пойдет по пути использования дерева – такие дома и отапливать проще, и с коммуникациями проблем меньше. Но чтобы вывозить все это, надо

узкоколейки и надо точки перегрузки на широкую колею. Этим и занимались.

Мой вопрос.

– Вопрос третий, строительство патронного завода полного цикла на производственной площадке четыреста завода «Ижмаш». Докладчик – депутат горсовета Ижевска Дьячков Александр Вадимович.

Я прошел к доске. Так, собратъся...

– С вашего позволения, я начну несколько издадека, чтобы все понимали суть проблемы. Проблема наша в том, товарищи (как-то это тоже вернулось – товарищи), что за три, считай, года мы стали слишком лакомым куском. И вопрос о том, чтобы раскулачить нас, а то и обложить данью, в том же Нижнем если и не встал в полный рост, то вот-вот встанет.

Я осмотрел собравшихся.

– Если переводить проблему из разговоров во что-то конкретное, то я вижу две болевые точки. Одна дополняет другую.

Первая – нет своего патронного производства. Точнее, оно есть, но малое, слабое и потребностям дня не соответствующее. Как-то так получилось, что, в отличие от Тулы, где патронный завод есть, как и оружейный, у нас патронного завода нет. Да, мы сейчас меняемся с Барнаулом, но этот поток могут перекрыть, и рассчитывать на него в случае серьезной заварухи не стоит.

Вторая – нет своей армии.

Беленко, наш главный армейский спец, при этих словах скептически ухмыльнулся.

– Нет армии, – настойчиво повторил я. – У нас есть охрана караванов, есть внутряки, и все. Против мотострелкового полка на технике это ничто.

– Где ты возьмешь сейчас полк на технике? – насмешливо спросил Беленко. – Перегрелся?

Синцов, сидевший во главе стола, дал знак продолжать.

- Полк возьмется – хоть сводный. Если договорятся. Уголовники – частью тоже отслужили, верно? В центре – часть воинских частей уцелела. Рано или поздно они начнут думать, что им делать. Уже думают. Власти нет, закона нет, присяги нет. Будет то же, что в Афганистане в девяносто втором – тупо сядут на землю, превратятся в полевых командиров тире феодалов. Начнут разбираться сначала друг с другом. Потом расширять зоны влияния. А действующие оружейные заводы – лакомый кусок по-любому. Вкупе со всем остальным работающим – возможно, самый лакомый на всем постсоветском пространстве.

- Не очерняешь? – спросил Синцов.

- Нет, Виктор Васильевич. Скорее наоборот. Цивилизация рухнет намного быстрее, чем создается. Вспомните Украину – как быстро там прошли от митингов до того, что начали хреначить из танков по Донецкому аэропорту и концлагеря создавать. И ничего в душе не дрогнуло, совсем.

- В Луганске, – решил не тянуть кота за одно место я, – есть Луганский патронный завод. Причем он производит не только патроны самых ходовых калибров, он производит и оборудование для производства патронов. Причем массового, а не как у нас. Роторные патронные линии полного цикла производства. Под самые ходовые калибры. Вот это вот все мы и должны получить, если хотим выжить. Купить, забрать, отбить – как угодно. Второе – это армия. Там же. Ростов и прилегающие к ним Донецкая и Луганская области. Надо узнать, что там. И говорить не только за патроны – но и за армию. Хотя бы часть. Переселить сюда, на любых условиях, уцелевших людей – с боевым опытом, с семьями, с техникой. Если удастся и первое и второе, тогда клали мы и на Нижний, и на Москву, и на всех в радиусе две тысячи километров в любую сторону от нас.

Все молчали. Потом Синцов спросил:

- Почему на две тысячи?

– Да к слову пришлось. От Ижевска до Луганска – тысяча семьсот. Но это по карте, а по факту – километров триста, если большую часть пути идти по воде. И так же, по воде, мы сюда все и поднимем. И оборудование, и людей, и технику. Все, что есть.

По третьему вопросу проголосовали нейтрально – поручить дополнительную проработку, составление ТЭО[1 - Технико-экономическое обоснование.]. Все лучше, чем ничего.

На выходе – зазвонил телефон, это был Димыч, мой знакомый опер из УФСБ. Теперь он уже начальник управления.

– Задержись в здании. С тобой поговорить хотят.

О как. Ведь даже тут знают...

Ладно...

Потусовался минут пятнадцать, потом ко мне подошел один из прикрепленных.

– Дьячков?

– Он самый.

Прикрепленный кивнул и пошел по коридору, я пошел за ним.

Синцов ждал в одном из кабинетов управления госзакупок, пустом. Он пил кофе, самый простой, три в одном из пакетиков. На столе кипел чайник.

– Присаживайтесь...

Глава Республики. Де-юре первый среди равных, но де-факто...

Знаете, пословица о том, что лучше стадо баранов под водительством льва, чем стадо львов под предводительством барана, – она верна. Свалившаяся на нас подобно тонне кирпичей с самосвала «Катастрофа» заставляла нас переосмысливать и переустраивать свою жизнь совсем по-другому. Раньше как – тупо делали то, что должно делать, то, что все делали, то, что делали всегда. Собирали налоги, большую часть отправляли в центр. Приходил госзаказ – работали. А сейчас никто просто не знал, что и как делать. Как хочешь, так и живи.

И мы жили.

И еще одно. Я ведь покатался по разным местам, посмотрел, что делается. Там, где во главе всего стал бизнер или бизнеры, там по факту образовались в лучшем случае королевства, в худшем – рабовладельческий строй. Человек ведь слаб. И падок. Бизнесмен – он в своей фирме как маленький царь, хочет – милует, хочет – карает, демократии в ней нет. И когда он выходит на уровень управления территорией, анклавом – думаете, он будет про закон вспоминать? Да на фига ему это.

Вопрос бывает лишь в том, кто и как далеко готов пойти. Многие, как оказалось, готовы были пойти на очень многое.

Так что выбрали Синцова правильно. Очень правильно.

– Александр Дмитриевич...

– Расскажи, как ты оборудование повезешь.

– До Волги – либо на колесах, либо по рельсам. Там перегрузим на баржи.

– А договариваться в Луганске как будешь?

– Как получится.

– И, думаешь, согласятся? Их же патронный кормит. Думаешь, они конкурента себе создадут?

– Все имеет свою цену.

Я не понимал, что Синцову не нравится.

– То, что ты собрался патронные станки сюда везти – это без вопросов, тут тебе и доля выйдет и звание Героя Соцтруда. Как раз и «Буммаш» загрузится – там ленту будем делать[2 - Источник при производстве гильз.]. Вопрос в другом – где ты ее ставить будешь.

Я сделал удивленное лицо.

– Как где? Четырехсотая площадка, там как мотоциклетное накрылось, там дерьмо одно, ничего нормального нет – какие-то арендаторы, мать их. А там и ветка подходит, и охраняемая территория, режим запросто можно восстановить, и кран-балка подходящая, и фундаменты под станки. И оружейка рядом.

– В том-то и дело, что рядом.

О как! Я и не подумал. Политика.

– Александр Дмитриевич... – недоуменно сказал я. – Я не политик, я производственник. И в мыслях ничего не было.

– Да как сказать.

– Ты у Новосельцева был?

А вот это я пропустил.

– Был.

– И о чем был разговор?

Вот это я точно пропустил. Отношения между ФСБ и МВД всегда были напряженными. И сейчас они лучше не стали.

- О политике. - Я решил говорить честно, но не до конца.

- О какой?

- Новосельцев говорил за Новгород. Вы мою служебку вкруговую пустили, вот он и заинтересовался.

Вот теперь я понял, в чем суть. Если брать расклад тех, кто сплачивает возле группировок МВД и ФСБ, - то я однозначно отношусь к ФСБ. Просто так исторически сложилось. И мой визит к Новосельцеву теперь вызывает вопросы.

На которые должны быть ответы.

- Генерал Новосельцев превратно понимает... скажем так, потребности исторического момента, - решил говорить правду я. - Он решил, похоже, положить под себя весь Новгородский торг, а по сути, и весь Новгород.

Я смотрел на Синцова - поверит или нет. В правду, кстати, поверить труднее всего, потому что лжец - он заранее все рассчитывает, подгоняет одно к одному. А правда - она часто бывает безумной.

Синцов покачал головой.

- Придурки...

- Что конкретно он говорил?

- Да то же самое, что и я. Или мы их - или они нас. Только он предлагает не ждать и наносить удар первыми.

- Вот придурок. Что за люди. Жрать готовы и глоткой, и...

Синцов резко замолчал.

- Ты ему что-то обещал?

- Нет.

Синцов какое-то время молчал, потом резко махнул рукой.

- Ладно, давай. Патронный завод нужен все равно, а где его поставить - дело второе, разберемся. Давай, делай.

- Есть, - по-военному ответил я.

Признаки того, что дело было швах, были уже в тот день, но я, окрыленный тем, что у меня, может быть, будет свой завод, что я буду уже в доле с республикой, внимания на них тогда не обратил. А напрасно.

Ижевск, бывшая Россия. Улица Удмуртская

Девятьсот тридцать четвертый день Катастрофы

Після дощу висохла ніч, вітер погас.

Ми не одні, ми не живі, виключіть нас!

Ти, як завжди, дивишся вниз, довго мовчиш.

Так не сиди, вимкни CD, ти ж не гориш!

Океан Эльзы

Ночь переспал со своими думками, а утром пришло время собираться в путь-дорожку. Делать то, что задумано.

Собраться в путь - это сейчас не как раньше: вещи в сумку скидал и побежал. Это сновной, оставшийся от старых времен костюм - горка в мультикаме. С виду ничего особенного, но он на меня пошит, с запасом, - а на меня пошить сложно из-за габаритов. Да еще он под подшив кевларовый. Под него - гражданское белье (но не трусы, а трико обтягивающие, без швов, это мы уже прохавали), а в

сумку – хеликоновское, первый и второй слои.

В сумку же – британский полицейский комбез, черного цвета, с капюшоном. Он сделан для полка 22САС, настоящая Великобритания, куплен мной новым, когда доллар меньше тридцати стоил (когда же было-то это). А на себя – кевларовый костюм. Этот костюм относится к рабочей одежде, их в Ижевске было много, потому что они используются на сталелитейном производстве. Комбез плюс кевлар – стопроцентная защита от мертвяков, проверено не раз. В Казани, где нам надо было производство оптики, меня укусили два раза. И, как видите, жив. И остальные живы.

Казань... зря вспомнил, лучше такое не вспоминать. Как вспомню ту толпу мертвяков на проспекте Туполева, так до сих пор не по себе. Город просто погиб, уцелели там немногие. Почему? А потому, что когда кто-то в Казани хотел купить себе ствол – законный гражданский ствол, – его вызывали в ментовку и начинали лечить. Если переубедить не удавалось, заставляли заключить договор на пультовую охрану квартиры – совершенно незаконное требование, кстати. Итог... когда заходили в Казань, у меня был АКМ. А к нему – не поверите – тридцать четыре рожка. Из них двадцать от РПК, я часть набитых рожков носил в сумке – даффлбэге. Когда отстрелялись на Туполева и ушли – полрожка у меня осталось. А комок весь в поту, хоть выжимай. Нас бы там разорвали просто, ничего бы не спасло.

Две пары обуви – просто британские из толстой кожи и альпинистские, «Шершень», они со стальным носком, а кожа там такая, что ни крыса, ни собака, ни человек не прокусят. В сумку же – десять снаряженных рожков от РПК-74, я сейчас на 5,45 перешел – толковой он, и боезапас позволяет больше носить. И четыре шестидесятки, четырехрядные – у нас им не доверяют особо, но иногда надо. Еще одиннадцать автоматных тридцаток – в поясную систему, три с одной стороны и восемь с другой, там паучеры сдвоенные. Много – не мало, я по командировкам покатался, и Набчелны, и Нефтекамск... хватило.

В рюкзак – помимо пачек с патронами, медицины какой-то – еще и винтовку. Винтовка новая совсем – «Барс», переделанная на боевую снайперку. Калибр пять и сорок пять, ствол немного короче, чем на гражданской, нарезка под автоматный глушитель. Самый цимес здесь приклад. Он сделан под американский McMillan, то есть складной он – но при этом полноценный приклад боевой винтовки. Винтай – блеск. Патрон – тот же, что и у автомата, думать особо не надо: есть отборные – стреляешь отборными, нет – зарядил то, что есть,

и стреляй. УС[З - Уменьшенной скорости - то есть под глушитель.] - запросто. А у пять и сорок пять - траектория во многом с пулеметным совпадает, переучиваться на нее легко. До четырехсот метров она кроет СВД практически в любой ситуации. Еще одна моя снайперка - «Рем-700» - на заводе в кабинете лежит, там и заберу. Ей уже на тысячу можно работать.

На пояс - ПБ, мне как депутату Горсовета (на Госсовет я не пошел, светиться не хотел) выделили из старых запасов настоящий ПБ, не ПМ с глушителем. И четыре магазина к нему, в том числе два длинных, на четырнадцать. Это недавно делать приспособились.

В другой карман - револьвер «Таурис», шумовой, переделанный опять в огнестрел. Он маленький, легкий. Из кармана можно стрелять. Его носило все руководство города, и у него было мрачное прозвище «упокоитель». Если не уберегся, укусили - то лучше самому...

В отдельную сумку - «коротыш» и все, что к нему: бандольеры, коробки с патронами. Это не АКС-74У, как вы могли подумать, это другое. Перед самой катастрофой «Ижмех» совместно с «Техкримом» разрабатывали комплекс оружия - патрон двенадцатого калибра, но с короткой гильзой. Они короткие, длина гильзы всего сорок четыре с половиной, но для самообороны больше и не надо. В мой «Моссберг» таких влезало тринадцать штук, я проверял, но там проблемы с перезарядкой иногда были. А если брать ружье специально под этот патрон... они как раз только производиться и начали. Сейчас уже никакого закона об оружии нет - я взял стандартное ружье, укоротил ствол, поставил складной приклад и фонарь с лазером. Десять патронов при габаритах почти пятизарядного. По собакам, по крысам, в машине держать. Самое оно.

Ну и скрытник с плитами от «Гранита», размер 3. Вроде все.

Зашла Элина... глаза на мокром месте, но держится. Как может. Как-то у нас с ней закрутилось все... Я ведь человек тяжелый, если честно. Не подарок. Но в нашем мире сейчас нельзя одному.

Нельзя.

Если вспомнить... я ведь ее - не поверите - в карты выиграл. Первый год Катастрофы, моя первая ходка на новгородский торг и дальше. Людями

торговали уже всюду, бабами особенно. Ставки высокие были, с зон всякая мразь массово откинулась, авторитеты. Да и просто люди озвереть начинали. Студентка из Москвы, с семьей неизвестно что, чудом выбралась из города, потом попала в руки какой-то группировки... стремящиеся, мать их. Те уже соображали, что самых красивых, чем пустить по кругу, лучше попробовать продать, по кругу можно пустить и тех, кто поплоче. Мразь... вот кого я никогда не любил – это блатных. Еще со школы, с некоторых моих одноклассников, которые уже свой путь тогда выбрали и по нему шли, пальцы кидая и утверждаясь на тех, кто слабее. Не любил. Дела имел, с некоторыми в деснах, но – не любил. Гниль это человеческая.

Короче, патроны у меня были, деньги тоже, цену за нее я дал, тут нарисовался какой-то авторитет, из нацменов, с пристяжкой. Если бы не рынок, стрельба бы началась, но на рынке нельзя, за такое если и не пристрелят, то вышибут навсегда. Дошло до того, что решили играть – этот урод стремящийся и предложил. Я согласился – в подкидного, до трех побед. И новыми, чистыми картами, а не той библией, что у них на кармане. Сели. Я три раза подряд выиграл. Авторитет не поверил, хотя вопрос был снят, и я об этом конкретно заявил. Четвертый раз раскинули – я четвертый раз выиграл. Со мной, кто знает, ни в подкидного, ни в преферанс, ни в любую игру, где расчет нужен, а не просто удача, не садится. Авторитет начал бычить, но тут его конкретно люди не поддержали, для любого блатного карты святы, проиграл – плати.

Так у меня появилась Элина. А на заводе мне потом за эту игру так вмандюрили...

Сунула мне пирожки, я уложил поверх всего, у самого клапана рюкзака – чтобы не искаться.

– Присядем?

Она села на кровать, я на стул. Глупости, типа все двери закрывать, я не говорил – и так знает. Береженого бог бережет, как говорится... я, как началось, все двери в квартире поменял на стальные, с замком, на окнах решетки, в двух комнатах – сейфы, там и АКМ, и «Вепрь-12», случись чего – она этим пользоваться умеет, я научил. Но все равно не по себе. Мне.

Ей, наверное, тоже.

– Надолго?

– Постараюсь побыстрее. Все помнишь?

– Ага.

Я ее научил... многому. Если к ней кто-то придет, к примеру, скажет, что от меня и что надо куда-то поехать, – она не поверит, потому что мы с ней договорились об определенных словах. Не поверит и начнет действовать.

Куда я еду – я не говорил. Она научилась не спрашивать. Все равно не отвечаю. Говорю же – тяжелый я человек.

– Вернешься?

Я только усмехнулся... сейчас это не такой простой вопрос.

– Жди, и я вернусь, – процитировал я Симонова, – только очень жди...

Я посмотрел на часы – и тут же с улицы раздался знакомый сигнал: служебка, с завода. Это по мою душу...

До завода меня домчали с ветерком.

Конвой понемногу уже формировался, занимая всю улицу Дерябина – от пятой проходной и до самой плотины. Обычные фуры, не как раньше – сейчас проще со всем, оружие – такой же товар, как жратва, и даже понужнее. Все головы[4 - Тягачи фур.] – импорт, «Скании» в основном. Почему? А потому что «КамАЗы» мы бережем, с ними с ремонтом можно решить – а с этими как решать? Пока бегают – пусть бегают.

Я пошел в здание заводоуправления. В кассе – чтобы два раза не ходить – получил под отчет два «Лимона» новенькими, хрустящими купюрами и разменки двести тысяч. Откуда у нас новенькие, хрустящие купюры? А мы на Красногорскую фабрику Гознака мотнулись и всю продукцию оттуда вывезли – а заодно и спецбумагу, и краску. Деньги все равно хоть какие-то нужны, так, не

все будешь патронами платить. А от добра добра не ищут – почему бы и не такие, как были?

Это касса. Дорожная. Мало ли.

Рюкзаки наверх тянуть – сил не было, да и смысла. Оставил на охране, поднялся в бухгалтерию – расписываться за матценности.

В бухгалтерии – неистребимое бабье царство, разговоры и острый интерес к мужикам. Оно и понятно, это раньше можно было рожу кривить, а сейчас как в войну. Нет мужика – ничего, считай, нет.

Вон и Катя сидит.

Подходить не стал. Потому что гад я и сволочь. В молодости не думаешь ни о чем, наше дело не рожать. Даже какой-то азарт появляется. А потом – вот такие вот встречи остаются. И сосущее душу чувство вины перед человеком.

Город-то маленький. И завод...

Так, все. Еще разъехаться перед дорогой не хватало.

Зашел к замглавбуха, там уже сидел лысый, похожий на бандита молодец. Но вы на внешность не смотрите – добрейшей души человек.

– Витя, ты сегодня?

– Ага, Александр Вадимыч. Ваши уже в порту.

Все правильно. Тише едешь – шире морда. В городе много кто может быть – лучше, чтобы не видели.

– Знаю. Ну чего?

Из принтера выползают горячие листы накладных.

– Сверять будете?

– А как же...

Мы с Витей перемигиваемся. Социализм – это учет и контроль.

– И вниз спустимся, пару контейнеров проверим.

Беру карандаш, начинаю отчеркивать.

Груз – стандарт, такой же на Новгород идет. Снайперские болтовки и эсвэдухи. Глушаки на автоматы и на винтовки, заводской тюнинг, из железа и пластмассы. Немудреный ЗИП на автоматы – пятые и седьмые. Все, что необходимо для жизни в новом, плохо приспособленном для жизни мире...

Дальше – почти два часа угробили – считались, пару контейнеров вскрыли, чтобы вложение проверить – все норм, сейчас желающих поворовать меньше стало, потому что разговор короткий: на торф, а если повторно – то к стенке. Тюрем нет сейчас, и я считаю – правильно, бессмысленно это. Когда началось – мы проехали по колониям, поговорили с начальством, с контингентом, сказали – мол, так и так. Времена другие стали. Кто хочет – остается и работает на промке, кто по тяжким статьям – едет на торф. Будем смотреть, кто как работает: если честно работает, искупает вину – значит, исправился человек, и принимаем в члены общины, потому что рабочие руки везде нужны. Если опять за старое – к стенке, потому что времена не те, чтобы миндальничать. Ну а кто хочет – тот тупо берет и валит: до границы республики подвезем, а дальше живи как хочешь. А в двух учреждениях на торф отправили начальство, потому что людьми надо оставаться, и когда у зама по режиму трехэтажный коттедж, это не дело. Надо сказать, что оправдало – эксцессы были, но мало. Большинство эков вкурили, что происходит, и решили жить честно – кто стройкой заниматься начал, кто лес валить, кто на завод попросился, кто на земле осел. А один оказался изобретателем, причем неплохим – сейчас у нас на заводе два станка уже новых изобрел, и это не считая более мелких рацпредложений. Сидел, кстати, за тяжкие телесные – по глупости, по пьянке. А пил потому, что не было жизни.

Смешно, да? Не было жизни. А сейчас есть. Обхохочешься.

Короче, подписал я документы, потом сел в головной «Патриот», мешки назад побросал. Там остальное без меня...

Через пятнадцать минут тронулись.

От завода дорога с плотины ведет круто в гору, да еще с поворотом. Слева – фабрично-заводское, справа – сельхозакадемия, оба заведения работают, потому что и там и там знания нужны. Дальше – поворот на Максима Горького, старую узкую улицу. ГАИ перекрывает дорогу, кажется, что под колесами двух десятков машин дрожит земля...

Первая остановка – у Южной автостанции, там хладокомбинат и завод минеральных вод. Оттуда еще четыре грузовика пойдут. Понятное дело, что не с минеральной водой, а с водкой. Водка сейчас – такой же товар, как и все, и, можно даже сказать, стратегический, на нее много что и много кого купишь. А я покупать умею. И не до сантиментов сейчас, важно выживание анклава, сообщества. Любой ценой...

Повернули, прошли пост ГАИ – он на взгорке, там сейчас крепость, как в свое время на трассе «Кавказ» – три этажа и бэтээры, потому что на несколько километров все простреливается. Все, из города ушли. Теперь мы сами по себе...

Дальше рассказывать особо нечего – идет караван и идет. Среднерусская равнина – перелески, деревни. От времен оных отличается только тем, что лошадок много стало, у крестьян – ружья, а у кого и автоматы, и у многих грузовиков и тракторов кабины сеткой-рабицей затянуты. А так – все то же самое. Стрелять в нас никто и не думал – тут не Подмосковье, это там во весь рост шмаляли. Да, наверное, и сейчас шмаляют.

После девяносто первого года мы в отличие от многих соседей сохранили сельское хозяйство. Тут интересная история – был у нас президентом почти двадцатка лет некий Волков Сан Саныч. В городе его не признавали и ненавидели – для города он не делал ничего. Он два раза шел на прямые выборы и два раза в городе проиграл – первый раз мэру Салтыкову, второй раз главе правительства Ганзе. Выигрывал он всегда за счет глубинки – там за него всегда было семьдесят процентов голосов, не меньше. И в глубинку он валом валил. В свое время собрали всех председателей и сказали: кто вырежет скот, сядет. Найдем,

за что посадить. И это не шутки были. Так что Удмуртия внезапно стала очень сельскохозяйственным регионом. Но когда объявили санкции... помните еще, что это такое – эта ставка сработала. А сейчас и подавно. Нам ничего закупать не надо – есть все. Свое...

Сделали короткую остановку в Сарапуле, сходили, покушали. Дозаправились, кому надо. Я купил на дорогу круг голландского сыра – настоящего, из молока, а не из заменителей жира и белка. Съедим...

Зашли в Камбарку.

Камбарка – это самый маленький город Удмуртии, но одновременно один из самых успешных сейчас. Его главный актив – порт на Каме, его до Катастрофы активно расширяли, потому что вместе с Китаем планировали здесь делать логистический хаб. Но он и до этого неплохим был, порт Камбарка – это самая крайняя точка, куда могут доходить суда класса «река – море». Плюс два серьезных завода. Один производит весь узкоколейный транспорт и автомотрисы – это грузовик на колесах либо пассажирский автобус. Есть еще и тепловоз – он изначально как малый маневровый для предприятий делался, для внутризаводских путей, а сейчас стал самым востребованным, там, где еще движение сохранилось, его с руками рвут. А ну-ка – вместо тепловозного дизеля там стоит самый обыкновенный, можно от «МАЗа» поставить, можно от «КамАЗа» – расход у него посчитайте и прикиньте, насколько проще ремонт. А так – он без крутых подъемов состав в восемь-десять вагонов нормально тащит, не задыхается. И автомотриса – это как автобус на колесах, и тоже под «камазовский» движок. Сидячих мест десятка три, есть вариант для бригад – там нары, восемь спальных мест и кухонька.

Плюс к этому – здесь до Катастрофы производили пилорамы (насколько сейчас это востребовано – надо говорить), насосы, задвижки, металлические сейфы, снегоочистители, садовый инвентарь. Почти все это – сейчас на любом базаре только так уходит. Без айфона проживешь, а вот попробуй прожить без лопаты...

К тому же рядом был объект по уничтожению химоружия, там военных много было, общаги для них построили, жилье новое и больничка – какая далеко не в каждом райцентре есть, ее на федеральные деньги и на какие-то американские

вроде бы субсидии строили. И порт свой – можно по Волге сразу в Новгород грузы отправлять. Так что говорить вам, как сейчас тут жили, я не буду...

Не забывая про правила вежливости, мы на подходе установили связь, оборались. В смысле, по рациям, не голосом. Выехал встречать торговцев сам Забродин – он полковник российской армии, занимался как раз уничтожением химоружия. Его сейчас главой местного самоуправления и избрали, а директор машиностроительного – депутат Госсовета.

Забродину тоже не чужд был шик – встречать он нас приехал на «Шеви Субурбан» последней модели... ну, знаете, в сериалах перед Катастрофой они часто мелькали как правительственные модели, на них все правительство США ездило. Видимо, из Новгорода обратным рейсом привез, в качестве понтов. Сам он переоделся в мультикам, на поясе – дорогущая «Гюрза» (она в Кирове[5 - В Кирове есть оружейный завод, там действительно делается «Гюрза». К описываемому периоду там освоили еще и ППС под 9 мм, а также дешевые револьверы.] мелкими сериями делалась, за ее цену можно было двадцать «ярыгиных» купить, и с патронами проблемы были), на боку – короткий МА. Это тоже показатель определенного статуса в республике: их освоить не успели, делали мелкими сериями в КОЦ, продавать не продавали – только офицерам, не ниже майора, депутатам горсоветов и Госсовета, мэрам, директорам и главным инженерам заводов. У меня его не было – баловство одно, я по командировкам, а там его величество «калашников» рулит.

– Вадимыч...

– Виктор Васильевич...

Вот... не знаю, почему – не нравится мне этот полковник. Не нравится, и все тут. Сказать про него что-то конкретно плохое я не могу – но не нравится. Не нравятся, например, мне его молодцы из охраны – он всех их из Кировской области набрал из ГУИН, охраны лагерей, все они здесь чужие, не местные. Очень не понравилось, как он один раз на заседании Госсовета сказал – я сталинист.

Дело, конечно, его – но...

– По маленькой на дорожку?

Я отрицательно покачал головой.

- Ну да, ты не пьющий. Вы меня с шашлыка сорвали, я несколько палок взял. Угощайся...

Уже несли палки. Шестерки его.

- Далеко идете?

- На юг, - не стал конкретизировать я.

- На юг - это хорошо. С вами товар можно отправить?

- А чего нет? Если только места хватит.

Забродин засмеялся.

- Да у нас не так много. Просто, если вы на юг идете, то мы с вами. Посмотрим, что там и как, не все же в Новгород кататься.

Мы с вами...

Забродин вдруг оборвал смех, лицо его стало серьезным.

- Раз уж ты тут, давай про Новгород перетрем. Тебя их движ не напрягает?

- Какой движ?

- Да смотреть стали на нас что-то косо, так?

Я не отреагировал...

- Ты же понимаешь. Мы для них в перспективе конкуренты.

Я пожал плечами:

– Какие же они конкуренты? Они торговлей живут. Мы – производством. Если они будут на производственников наезжать – кто к ним на торг поедет?

– Да так-то оно так. Только ты сам видел, что там за люди – крысье в основном. Блатари из-под шконок повылазили, а где не блатные, там менты. А менты, ты сам знаешь – еще хуже. У них же кровь из зубов идет, когда они видят, что где-то реальное, живое дело – а им никто не отстегивает. С...и.

Правильно. Все правильно, Виктор Васильевич. Только я все равно не верю.

– Сюда они вряд ли дойдут. А дойдя... ну сколько они тут войну вести будут? Сколько их поляжет? Как они снабжение организовывать будут? И почему бы им не перегрызться между собой – а они все друг на друга косо смотрят. Не проще ли им жить торгом?

– Да как сказать... по уму-то, конечно, проще. Но... я, кстати, слышал, на президиуме уже был разговор.

Опа!

А вот это ж...

Это кто это проболтался? Скорее всего, Широбоков, с Сарапула. Надо было его еще тогда гнать. Он только заступничеством Вересенина, премьера, на своем месте остался, мол, кто из нас не грешен, да и жизнь сейчас такая – иногда выпить надо. Да и Широбоков район держит, все у него работает – хоть и выпивает, а дело знает. Вот с этим я не был согласен. Одно дело – рюмку-другую пропустить, если событие какое, или по делу посидеть. И совсем другое – через день да каждый день квасить. Если мир по звезде пошел, хуже войны, а ты не можешь взять себя в руки и слезть со стакана – грош тебе цена и как человеку, и как руководителю. А по пьяни можно многое сболтнуть.

Я ничего не ответил. Вообще не отреагировал.

– В порту все штатно?

– А что там делается. Слушай... ты оружие везешь?

- Да.

- Не в службу, а в дружбу – продай сколько-то. У нас тут охота, а гладким все не наохотишь. И в Ижевск не наездишься.

- У меня под отчет.

- Да брось. Все оформим, заплатим, как положено, через администрацию.

Я прикинул, что к чему.

- Кое-что продам. Из обменного. Но немного.

- А нам что есть, все дай. И все будет мало.

Не верю.

Короче, продал я Забродину десять карабинов с глушаками, патронов, часть денег тут же и отдал – за обработку грузов в порту. Остальное оприходовал. Тронулись, почти сразу вышли на порт.

Там уже шла погрузка.

Две баржи, по две тысячи каждая – небольшие, самоходные. Погрузка сразу контейнерами шла, кранами. Там же, на причале, собралась и моя группа. Кто-то даже заигрывал с какой-то дамой в робе – крановщица, что ли.

Нашли время.

Команда собиралась постепенно, люди в ней разные, но всех я знаю давно. Кто-то до Катастрофы служил, кто-то на фуре колесил по России-матушке. Но теперь профессия у всех одна – экспедитор.

По нынешним временам приравнена почти что к спецназу.

Что должен уметь экспедитор? Должностную писал я, профессия гражданская, хотя уже просто экспедитор – приравнивается к начальнику цеха. Экспедитор должен знать правила безопасности на замертвяченной и контролируемой бандитами территории, уметь стрелять и вести боевые действия в одиночку и группой, уметь водить грузовик и локомотив, знать устройство порта и суметь при необходимости справиться с краном, знать блатной жаргон и уметь вести себя при разговорах с блатными, знать цены на основные товары и уметь договариваться и торговаться. Наконец, быть образцовым в моральном отношении, не шляться по борделям, не курить и не пить, если предложат, потому что проблемы начинаются чаще всего с этого. Спить и тиснуть товар или подсунуть сигу с наркотой – запросто.

И таких людей я подобрал.

Обучились всему просто: каждый, что умел, тому учил всех других. Если чего-то не умел никто – искали учителей и учились. Понятно, что зарплата у всех соответствует риску... кроме того, я закрываю глаза на все гешефты и все проступки. Понятное дело, что, кто ходит в Новгород, тот бедным человеком не может быть по определению. Правила три – не крысить, не делать ничего, что подставило бы всю группу, и не зарываться. Жадность фраера сгубила – слышали?

– Пацаны?

Со всеми обнялись. Представлять сейчас никого не буду, потом по ходу познакомитесь.

– В столовку идем, там поговорим. Жека, останься, присмотри за грузом. Твою порцию мы тебе принесем.

– Ага.

Жека, понятно, был недоволен – но он самый младший из всех. Пусть привыкает.

Одной из давно забытых и теперь к общему удовлетворению восстановленных традиций были снова появившиеся рабочие столовки.

Появились они и потому, что большую долю взаимоотношений в экономике теперь занимал натуральный обмен, и потому, что куда-то ходить и перекусывать сейчас опасно по определению, даже у нас. Так что лучше питаться на работе.

Столовка была, как и положено рабочей столовке, грязной, но вкусной. Сегодня была уха, взяли по порции ухи, на второе – картошка с мясом, по две порции враз взяли. Это крайний раз, когда мы едим по-человечески – дальше неделями на сухомятке да «чем бог послал». Я выставил на стол бутылку «сарапульской» – на всех, чисто символически. В рейсе сухой закон. И это не шутки, все знают – чего я не терплю, так это расхлябанности и самооправданий. Не можешь себя в руках держать – иди грузчиком работать.

– Так, пацаны, – сказал я, – сами понимаете, юг – это не Нижний. Готовы все?

– Так точно, – ответил за всех Саня-ВВ. Он мой тезка, краповый берет. В нашей группе – своего рода сержант, он за войну отвечает, в то время как я – за коммерцию. Но он и коммерс неплохой. С типично солдатской наглостью – заберет и спасибо не скажет.

– Я всех хочу услышать. По кругу.

Все, один за другим, подтвердили готовность.

– Тогда я вам скажу – не готов я.

– И никто не готов к тому, что нас там может ждать. Как вы знаете – мертвякам проще жить там, где тепло и где мало естественных препятствий. На равнине, то есть. И это как раз юг – там даже зимы нормальной не бывает. Потому – понты все в сторону, мол, мы в Новгород двенадцать раз ходили, что ты хочешь, студент. Оружие при себе, броник носить, вахты стоять, как положено. Поодиночке даже посрать не...

Юга я боялся. По двум причинам. Первая – мертвяки. Вторая – живые. Которые там могут быть – очень специфическими.

Что стало с Чечней или Дагестаном? Полно стволов плюс сложный рельеф местности и много сёл. Если все или почти все выжили – чем они займутся? Объяснять надо?

И, значит, они могут столкнуться с нами. Или мы с ними.

– ...Еще одно. Если будут даги или чехи – думайте, что говорите. Им совсем не надо знать, что тут у нас и как. Еще гостей накличем.

– Понятное дело, – ответил за всех ВВ.

– Хорошо, если понятное.

Доели. ВВ поймал мой взгляд, кивнул. На выходе мы свернули в сторону.

– Ну?

– Шеф, тут дело...

– Дома, что ли, проблемы? У кого?

– Да нет, не это. Я типца одного за приметил. На причале болтался.

– Какого типца?

– Да так, с Москвы одного. Гнилого донельзя.

– И что этот типец?

Договорить мы не успели – рядом со столовкой остановился «КамАЗ», и какой-то неумеренно веселый парень (судя по его лыбе) спросил:

– А Дьячков не вы случайно?

– Вообще-то вполне закономерно, – ответил я, – паспорт показать?

– О, здорово. А меня Павлом звать, я от горадминистрации экспедитор. С вами в рейс иду.

– Куда идешь?

– Ну, в рейс. Я от Виктора Василича.

Принесло еще одного идиота...

– Саш, – сказал я, – выдели кого-то инструктаж с молодым человеком провести. И с грузом разберитесь.

– Есть.

Бывшая Россия. Камбарка – Кама – Волга

Девятьсот тридцать пятый день Катастрофы

Дальше была погрузка, тут особо рассказывать нечего, героического мало, вира-майна, портовые краны и оборудованный причал, это тебе не в Тьмутаракани какой-то. Часть товара шла в контейнерах, но часть – в специальных сумках, на две тонны, которые и ворочать проще, и продавать, – а сумки эти изначально предназначались для цемента насыпом. Мы поставили вахту – в порту, даже в своем, держи ухо востро, – а остальные занялись погрузкой своей техники и закошмариванием временного члена нашей команды. Ну, это обычное дело для экспедиторов – если не кошмарить, то в экспедиторы всякая шваль ринется и престиж профессии упадет.

Грузанулись уже ближе к вечеру, и надо было выбирать – идти или ночь ночевать в порту. Я выбрал идти – на воде переночуем, да и неохота стоянку лишней раз оплачивать. Тут расчет по концу светового дня.

Короче, буксир нас оттянул на реку – тронулись.

Суда, кстати, у нас были новые – с еще одного спасшегося завода. Вятско-полянский куст – там, на реке Вятке, помимо ВПМЗ «Молот», который делает

отличные карабины, винтовки, автоматы и пулеметы, буквально в нескольких километрах ниже есть Сосновский судостроительный завод. Тоже уцелел – благодаря тому, что глушь глушью и оружие рядом. Продукция его – патрульные таможенные катера, разъездные теплоходики, водолазные боты, баржи. И это не говоря о мелких лодках с подвесным двигателем типа «Нептун» и «Вятка». Катера самые простые и примитивные – стальной корпус, движок от грузовика. Но такие сейчас в самой цене. Выжил этот завод и люди, на нем работающие, просто – глушь глушью, но телевизор есть, и информация о том, что происходит, дошла до них раньше, чем зараза. Ну и на другом берегу, буквально в нескольких километрах, Вятские Поляны – я уже говорил.

Перед Катастрофой у них там в Сосновке было два судна снабжения для Камчатки с высокой степенью готовности – это универсальное судно с собственным краном: к любому берегу пристанешь, что надо, то и погрузишь-выгрузишь, прямо с машины или на машину. И самая крупная их продукция – самоходное судно речного класса, дедвейт три с половиной тысячи. Основной класс сейчас что на Волге, что на Каме...

Судно снабжения мы выторговали в Сосновке за дикие деньги, оно у них одно из двух было, и они понимали, что собирать столь сложную технику сейчас они вряд ли осилит, – и потому торговались по-взрослому. Но и было за что – осадка у него мизерная, в носу аппарель, как на десантном судне, рубка высокая, пулеметы там запросто ставятся. И на борту – кран с вылетом стрелы двадцать метров и грузоподъемностью семь тонн. Надо тебе – не швартуя к берегу большой баржи, погрузил, что тебе надо, с нее, перевез на берег, продал. Загрузил купленное – и опять на баржу погрузил. Надо – высадился, причем на любой берег, и не на своих двоих, а на технике. Сломалась баржа – ты ее отбуксировал. И автономность у этой посуды неплохая – она рассчитана на снабжение нефтяных платформ, может долго в море болтаться. Короче говоря, всем она хороша, и окупается с гарантией.

В Сосновку, кстати, можете не мотаться, Госсовет и второе выкупил, причем с договоренностью, что если они еще одно возьмутся строить, то первым предложат нам...

Уже под самый вечер подошли к Нефтекамску. Там грузились нефтеналивные баржи с дебаркадера, смешно – но порт начали делать только после Катастрофы, когда стало понятно, что речные пути самые безопасные и хорошо живет лишь только тот, кто рядом с рекой и может торговать по ней. Я связался

с администрацией порта, известил, что мы тут переночуем, мы включили стояночные огни – и через десять минут подошла моторка. Невысокий интеллигентный человек средних лет перебрался к нам на борт.

Это был капитан рейда, звали его Марс, отчество у него было татарское, но такое сложное, что все называли его Марс Геннадьевич. Порт был его детищем, он построил его, закупил и поставил понтоны, бросил рукава с берега – чтобы город жил.

До Катастрофы он был частным предпринимателем в Казани, Катастрофа застала его здесь – иначе бы он погиб. Я уже упоминал, что было в Казани. Два миллиона жителей, куча туристов и международный аэропорт – в дни Катастрофы это был приговор.

– Вадимыч...

– Марс Геннадьевич...

Обнялись, я достал чекушку «сарапунки» и стаканчики. В наши дни настоящая водка – сама по себе подарок.

– Как дела у вас?

– Местами. Живем... если можно так назвать. Вчера монстра отстреляли.

– Порвал кого-то?

– Нет, успели.

Монстры... три года спустя они все еще большая проблема. В отличие от медлительных и оседлых мертвяков, они кочевые, могут перемещаться на десятки километров, если не сотни, и даже зима им не помеха – они просто забираются в подвалы брошенных домов и там зимуют. И их очень, очень трудно убить.

– У вас как?

- Вот, на юг пошли.

- Не в Новгород?

- А что мы там не видали?

Марс Геннадьевич поцокал языком.

- Сомнительное дело.

- В Новгороде уже спрос не тот. А внизу...

- Ну там-то да...

- Слышали что-то?

- Да как сказать.

- Благодарен буду.

- Благодарен... не туда ты идешь, Саша...

- Я легких путей не ищу.

- Ты не словами громыхай, - сказал Марс Геннадьевич, - а головой думай. Например, почему с юга к нам не ходят торговые караваны?

- Известно дело, со шлюзами проблема. Я сам еще ничего не знаю.

- Нет, проблем там таких уже нет. В другом дело.

- Кавказ там.

Кавказ... ну, Кавказ есть Кавказ.

- В наши дни – все люди, кто люди.

- Да нет, не скажи.

Марс Геннадьевич достал сигаретку, подкурился. Огонек рдяно тлел в сгущающейся тьме.

- Многие думают, что Кавказ делит людей на правоверных и неверных, но это не так. Ислам для Кавказа – не более чем повод. Один из. Поверь мне как человеку, которого в девяностые украли и сорок один день в зиндане продержали.

- Так даже?

- Так, так. Поехал, дурак, договариваться о поставках нефтяной арматуры на Грозненский нефтеперерабатывающий. Договорился... дурак.

- Как же вас отпустили?

- Как-как. Просто. Не знали, что татары – это не русские. Поймали наши пятерых студентов чеченских в Москве и сказали: не выпустите – пришлем домой в посылке, по кускам, собирать сами будете. Выпустили. Еще извинялись.

- Так вот, я им тоже, когда там сидел, пытался говорить, что и они, и я – мы мусульмане. Плевать они на это хотели. Они делят людей по одной простой категории: свой – чужой. Все остальное – пыль. Пустота.

- Свой – это тот, с кем ты родился в одном ауле. С кем вместе пас овец. Играл в одни и те же игры. Ходил в одну и ту же школу и делал гадости одной и той же училке. Переживал одни и те же неприятности и радовался одним и тем же радостям. У кого одни с тобой родственники, хоть и в пятом колене. Вот это – свои, этих – нельзя. Всех остальных – можно, хоть ты десять раз «Ла илаха илла Ллах» скажи. Можно – и все.

- Я понимаю. Спасибо.

– Не жди с ними торга, ничего хорошего не будет. Они купят у тебя только то, что не смогут отнять. А купив, станут думать, как отнять в следующий раз.

– Спасибо за науку, Марс Геннадьевич.

– Бывай. Аллах да хранит тебя в дороге.

– И всех путников, что в пути.

Марс Геннадьевич в ответ на это ничего не сказал, а затушил в кулаке сигарету и стал пробираться к штормтрапу.

Утром, еще потемну – мы снялись с якоря и пошли в направлении Волги.

Вахта в движении осуществляется следующим образом: один за пулеметом, в носу, один наблюдатель, в рубке, у него же – снайперская винтовка. Столько же – бодрствующая смена, а остальные просыпаются, только если реальная заруба пошла.

Я нес вахты, как и все, – но вахту свою передвинул, чтобы поговорить с ВВ. Потому что была тема для разговора. И «Субурбан» Забродина мне не понравился.

Перед вахтой позавтракал. Лось – у него с армии такая кликуха – кошмарил камбарского экспедитора, его прозвали Пабло, потому что у каждого должна быть кличка. По именам – нельзя. Подмигнув ему, я забрал винтовку и прошел на нос баржи. ВВ был там, он поставил свой пулемет в самодельный вертлюг со щитом и отдыхал.

– Солдат спит – служба идет?

– Да не, не сплю я.

Я уселся рядом.

- Насчет того, московского. Расскажи, что за москаль крутился?

- Воронец его фамилия. Дмитрий Денисович Воронец.

- Уверен, что это был он?

- Я его конкретно просек, с...а. Связываться не стал, но...

- А чего запомнил так?

Саня сплюнул, что вообще-то было хамство – на палубу плевать.

- Меня когда из ВВ поперли... ну, знаете...

- Дальше?

- Я в наемники подался. Перед Сирией год в Москве околачивался, подрабатывал, где мог. В том числе и у этой твари. Гад редкий был, обнальные центры держал, подвязки у него были конкретные, что в ментовке, что в Центробанке.

- Ну, этим ты меня не удивил. Кто не грешен?

- Да, только мне по секрету шепнули – валить от него надо. У него больше двух лет никто не работал, и тех, кто работал, никто больше не видел. Из помоек его тоже добром не уходили. Он там искал директоров левых, в основном лохов всяких из провинции, украинцев, кто только паспорт получил, потом – в расход. И еще...

- С головой у него неладно. Баб цеплял на трассе, бил – в мясо. Слухи ходили, что и убивал, – хотя сам не видел. Снимал стресс так.

Я кивнул головой – понял, мол. Конечно... сейчас это мало имеет значения – что было до Катастрофы. Но если у тебя до Катастрофы с головой неладно было – то сейчас лучше не станет. А это уже опасно. Да и... нечего ему у нас делать, если

уж на то пошло. Пусть в Москву валит, там какие-то дела крутятся... гнилые совсем. Как была Москва гнилой – так и осталась.

– А он тебя заметил?

– Не.

– Точно?

– Я сразу в машине загасился, мне проблемы не нужны.

– И правильно. А он куда делся?

– Я заметил, он в машину садился. В «Крузер».

Черт...

Вот как же не вовремя, а. Мало проблем с походом этим, на который я сам же подписался, так теперь еще и это...

– Молчи пока про это.

– Добро.

От ВВ я прошел на корму. Там Лось экзаменовал молодого, как он умеет чистить автомат. Некоторые, кстати говоря, не умеют – как призыв годичный сделали, так никто ничего теперь не умеет.

– Хорош, Лось. Паш, на минуточку.

Мы отошли к борту.

– Паш, вопрос хочу задать. Тачка приметная у Забродина, да?

- Еще бы. На всю округу одна такая.

- Не скажешь, откуда такие берутся? Понравилась она мне.

Интересно - просечет, нет?

Не просек.

- Это с нижегородскими договариваться надо, они там с московскими контактируют, которые дорогие тачки из города вытаскивают. Эту из американского посольства вытащили, говорят. Бронированная!

Я присвистнул.

- Сколько же она жрет?

- Ну, Забродину все равно, да и Нефтекамск рядом.

Я покивал.

- Оно так. Оно так. А сколько платил за нее, не знаешь? И с кем там конкретно договариваться надо?

- Это - нет, это у него спросите.

Понятно...

На своем законном вахтенном месте я хлебнул из термоса кофе и мрачно задумался. Все интереснее и интереснее становилось.

Это чо за подход был - там, в городе? Я имею в виду Забродина и то, как он резко подорвался навстречу колонне, и о чем он заговорил. Пытался пробить, кто чем дышит на заводе? В городе? Вербануть хочет?

В интересах кого?

Если бы не этот подход, то тот факт, что в порту Камбарки крутился московский деляга, имел бы простое обоснование – Забродин крысит. По договоренности, все, что производится в республике, на сторону продается только централизованно и по установленным сверху ценам. Внутри – пожалуйста, торгуй, как хочешь, если твое предприятие не отнесено к стратегическим, а на экспорт – ни-ни. Это было сделано и для того, чтобы не сбивали цены конкуренцией, чтобы республика богатела. Но Камбарка – угол глухой, порт, опять же, под рукой, а народ не переделать. Тупо начать налево часть продукции пихать и не платить с нее в бюджет.

Но теперь все это наталкивает на дурные мысли. Если Забродин пытался меня прощупать насчет моего отношения к новгородским, а теперь у него москвич стремный на причале крутится и «Субурбан» под задницей...

Кстати, «Субурбан».

Сама по себе машина очень необычная, редкая. Ее покупать никто не будет, возьмут «Ленд Крузер» – двухсотый или «Праду». Или «Паджеро». Или «Патруль». То, что продавалось в больших количествах и к чему есть запчасти. Но не американца. Значит, подгон. И если москвичи на причале крутятся – подгон от них, они с нижегородскими действительно корешат там, дела делают. А если еще и бронированный – значит, дважды подгон. Где они его взяли – из американского посольства, что ли, угнали? Но где-то взяли.

Вот и встает вопрос. За какие такие заслуги подгон, а? Товарищ полковник?

Это уже не коммерция.

Когда я уезжал в Москву – а был и такой эпизод в моей биографии, – я сказал Борису Витальевичу, который меня много чему в этой жизни научил – ну вот, поближе к политике настоящей буду. А он засмеялся и сказал – Саша, настоящая политика как раз тут делается. На уровне района, города, республики. Впервые попасть в обойму, в список, на выборный пост намного сложнее, чем продвигаться дальше. Но если попал...

Вот и появляются в политике люди с нечистыми руками, жадными глазами и менталитетом члена крысиной стаи. Ключ ближнего, гадь на нижнего, смотри в

задницу верхним. Все вот эти наши, в телевизоре – они не с Марса и не американцами засланы, они как раз с уровня города, района прорывались, и там же учились. Жрать, подставлять, глотки перегрызать. И то, что на тебе погоны, ничего не значит. Ни-че-го.

И Катастрофа ничего не изменила.

Вернусь в город – надо Димычу рассказать. Пусть пробивает по своим фээсбэшным каналам, что делается. Если новгородские там себе гнездо свили – это надо знать.

А пока надо просто забыть это и думать о деле.

Прошли Камские поляны – там осталась недостроенная АЭС, которую после Чернобыля забросили. Дальше был Чистополь – город, в котором есть интересный завод, производящий как часы «Командирские», так и взрыватели, если надо будет. Там жизнь едва теплилась, его не спасали особо. Дальше Кама резко расширялась – мы шли в место слияния Камы с Волгой. Кстати, мало кто знает, что по правилам крупнейшую реку России следовало бы называть «Кама», потому что в месте слияния рек Кама отдает больше воды, чем Волга. У Сорочьих гор прошли под мостом, он не был взорван. Да и воды пока хватало.

На берегу были люди, на воде виднелись лодки, люди рыбачили. Здесь почти все выжили и продолжали жить, как жили – только не стало власти. И дети рождались. Интересно, как будет лет через десять. Доживем ли?

Дальше рассказывать особо нечего – до Ульяновска.

Ульяновск был местом в себе, скажем так. Держали его бондики – бандиты. У нас был анклав – Ижевск, Киров, Нефтекамск, Набчелны, – а они держали Самару, Тольятти и Ульяновск.

Почему так получилось? Не знаю, сложилось исторически, наверное. В Тольятти криминал процветал вокруг «АвтоВАЗа», разборки были такими, что о них ходили легенды по всей России, как людей живьем с плотины ГЭС сбрасывали и

тому подобные вещи. Потом разборки притихли, но бандиты никуда не делись, они просто научились заниматься бизнесом. Плюс – Самарская область была главным в России конвертационным центром, масштабы обнала тут были страшные, и в схеме были задействованы как руководство банков, так и местные правоохранители.

Ульяновск был тоже местом мрачным, там была едва ли не худшая по России ситуация с подростковой преступностью – пацаны просто убивали друг друга, ножами, молотками, калечили. И когда все началось, именно криминальные структуры и взяли власть в области.

Торг тут был, как и положено, но на торг мы не ходили, в отличие от Новгорода. Люди тут были специфические, и договоренностей с ними тяжело было достичь. Покупать они покупали – но перевозку обеспечивали сами, расчет происходил на пристани либо Камбарки, либо Сосновки – там теперь тоже была пристань, через которую и Вятские Поляны торговали. Нефтепродукты татарские – они тоже покупали в свои наливники.

Почему так? Мне кажется, объяснение простое было – ломали три цены и не хотели, чтобы кто-то со стороны видел их цены. На мой взгляд – глупость. А учитывая обстоятельства, в каких мы все оказались, еще и мерзость. Но дело их. Нам весь мир не спасти.

И потому мы оставили баржи с товаром в притоке Волги, а сами, подойдя к берегу, начали сгружать технику. Прокатимся до торгового налегке, посмотрим, что к чему.

Техника наша – четыре «УАЗа». Два рейдовых и две «буханки», одна из них инкассаторская, с бронированием. Рейдовые переделаны под чешские «Лендроверы» (именно чешские, за основу взяты машины шестьсот первой группы дальней разведки) – «Корд» на поворотном круге, два ПКМ – один на переднем пассажирском, второй в хвосте. Плюс – на «буханке» мы возим еще миномет 82 миллиметра без плиты, переделанный, и с десяток-другой мин. Есть у нас любитель этого дела – с первого выстрела кладет, без пристрелки.

Почему нет грузовых?

Расскажу-ка я вам, господа хорошие, как нынче идет торг.

Для начала – никто на базаре товаром не торгует. Базар, или торг, как его называют (в Нижнем так и написано – Нижегородский торг), – это своего рода выставка, торгуют там только если пожрать или мелочевкой всякой. Торг идет по образцам. Сам товар хранится в другом месте и чаще всего на воде, потому что дураков нет. Купил – тебе называют место и время, подгоняешь машину – тебе погрузят, что купил, и рассчитаешься. Рассчитываться на базарах – тоже дураков нет, потому что денег всеми признанных нет и торг чаще всего идет на бартер. То есть с торговых барж сгружают одно и грузят другое. Опять-таки – не на базаре же это делать, когда весь товар на складах или на воде.

Торг ведут всегда местные. Мы – имеем дело только с оптовиками, по крайней мере, по нашему товару. Потому что если я, скажем, куплю место и буду торговать патронами на розницу – рано или поздно меня замочат. Потому что я не даю жить местным и перебиваю им торг – понятно, что я как оптовик с прямой связью с заводом могу цену намного ниже поставить. Вот за это и замочат.

Кроме того, у местных своя валюта и свои расклады по бартеру, которые мы не знаем и знать не можем – денег-то нормальных нет. Местные асы завязывают в бартерные схемы десятки поставщиков, меняя одно на другое, тут же на третье и на четвертое. Это как в девяностые, только на руинах цивилизации. С нами они рассчитываются товаром или, по договоренности, золотом. Идут также рубли, доллары и евро – они ничем не обеспечены, принимаются просто потому, что как-то надо рассчитываться.

Короче, поняли суть, да?

Разобрали личные вещи, снарядились (например, вставлять плиты в плитоносцы на корабле не только глупо, но и опасно – начнешь тонуть, так и пойдешь на дно вместе с плитами). Плиты – в плитник, магазины – в автомат и в разгрузку, шлем на голову. Обязательно комбез поверх – либо танковый негорючий, либо как у меня, полицейского спецназа, либо роба сварщика – чтобы зомби не прокусил. На воде такое только маньяк наденет – в нем тело не дышит и чесаться начинаешь страшно.

– Построились.

Как в армии – хотя какая сейчас армия. Мы скорее рыцари. Идущие крестовым походом на дикий мир. Уникальная порода – рыцари-торговцы. А что? Востребовано временем.

– Лишнего говорить не буду. Всё все знают. Идти домой к вашим и рассказывать о том, как родной человек погиб, я не хочу. Потому – осторожность, последовательность, внимательность. Руки-ноги никуда не суем, по сторонам смотрим, друг друга страхуем. С нами сегодня салага, его страхуем вдвойне. Хоп?

– Хоп!

– По машинам!

Откуда к нам прицепилось это «хоп»? От афганцев, кажется.

– Паша, ты ко мне...

Моя машина – вторая. В первой нельзя, потому что первая первой и в засаду попадет, а командира надо сохранить любой ценой. Это не я придумал, это армия. Зато на головной и вооружение мощнее – там вместо мощного, но медлительного «Корда» стоит спарка из ПКТ. При попадании в засаду важно заплевать противника пулями, сорвать атаку – и три ПКТ на носу справятся с этим как нельзя лучше...

Машины все одинаковые: каркас, а поверх еще и сетка. Против тварей. Хоть и стало их намного меньше, но все равно они еще есть, и с тварью можно столкнуться буквально на каждом шагу. Потому сетка-рабица – стратегический товар. Ею обмотаны все машины, которые ходят в здешних краях.

Выбираемся на трассу. Здесь уже запустение, потому видно, как разрослась зелень. Еще немного – и на месте полей зашумят леса, а развалины домов будут только напоминанием о некогда существовавшей здесь цивилизации. Еще неизвестно, удастся ли нам выжить: работы над вакциной и лекарством идут как минимум второй год, но о результатах пока ничего не слышно.

– Борт – второй, я первый. Тут на дороге валяется... лиса дохлая или собака.

- Проконтролируй. Тихо.

В голове всегда есть бесшумка - на такие случаи.

- Чисто, двигаемся...

Выбираемся на дорогу. Тут же, на краю поля, стоит трактор, ад целый. И не какой импорт, а Т-150. Харьковский.

- Колонна, стоп.

Выходить, проверять не буду, но сфотографирую и отмечу на карте. При случае заберем - колхоз с руками оторвет, он же простой, как мычание. Фотографирую на телефон, сеть уже накрылась, но в нем есть и много других полезных функций.

- Колонна, ход.

Вышли на мост. Он, понятное дело, контролировался.

Две бээмдэшки, на одной из них флаг ВДВ - но это сейчас не значит ничего совершенно. Почему? А потому что солдаты - они из общества, им по-иному взяться неоткуда, у нас такая же армия, какое и общество. И когда рушится все - закон, порядок, сама жизнь, то люди начинают тупо выживать, не заморачиваясь условностями. А условностями становятся подчиненность, присяга и долг.

Я смотрел на пост через пятидесятикратную трубу Казанского оптико-механического, которую раньше использовал на тренировках. Пост устроен не совсем грамотно, скорее разгильдяйно, если быть честными до конца. Все вокруг затянуто проволокой, в некоторых местах в ней запутались мертвяки, свежие и не очень. Из блоков построены казармы для личного состава на обеих сторонах моста, бээмдэшки тоже обложены блоками. Чуть в стороне - транспорт для личного состава, дорогие джипы, есть даже «Мерседес-600». Где их нынешние владельцы - это вопрос большой. В трубу вижу троих, все со штатным оружием, вон у одного, вижу, «Валдай»[6 - Коллиматор, вологодского производства. До

«Эотек» не дотягивает, к сожалению.] стоит – значит, им уже поменяли до Катастрофы штатное. Либо я чего-то не вижу, либо наблюдение не ведется. Интересно, есть ли экипаж в БМД – скорее всего, нет. Потому что жарко. Вон, дебил разделся – я такого не позволяю, ни себе, ни людям. Лучше ужариться и потом вонять, как бомжу, чем тебя в самый неподходящий момент укусят.

Понятно, что машина наша была в гордом одиночестве, а конвой стоял чуть позади. Перед тем как выходить на мост, мы пустили беспилотник да все и посмотрели. А вы думаете, я так и сунусь под 2А42? Ага, щаз...

– Птаха – всем номерам плюс.

– Двойка, плюс.

– Глаза – плюс.

– Тройка, плюс.

– Саня...

– Плюс... Позицию занял.

Саня возглавляет снайперскую группу, в ней две СВДМ с глушителями, один «Егерь-54», тоже с глушаком, одна ОСВ-96, которые мы на торге берем за неплохие деньги, и один ПКМ с глушителем и оптикой.

– Принято, мы выдвигаемся, смотреть по сторонам. Саня, как обычно.

– Принял. Плюс.

– Всем смотреть по сторонам, тут, кажется, не чистили ни хрена. Саня, тебя касается в первую очередь.

– Плюс.

Эти раздолбаи на обмен даже не чухают. Их, может, убивать сейчас начнут – а они эфир не контролируют. Вояки.

– Флаг вешаем, и пошли.

Флаг – белый. Приглашение поговорить.

Когда наш джип появился на дороге, только тогда вояки чухнули. Мы перед тем, как идти, приоткрыли двери, если что, из машины выскочить – секунда, а там снайперы работать начнут. Скорость – десять километров в час, так и ползли.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Технико-экономическое обоснование.

2

Исходник при производстве гильз.

3

Уменьшенной скорости – то есть под глушитель.

4

Тягачи фур.

5

В Кирове есть оружейный завод, там действительно делается «Гюрза». К описываемому периоду там освоили еще и ППС под 9 мм, а также дешевые револьверы.

6

Коллиматор, вологодского производства. До «Эотек» не дотягивает, к сожалению.

Купить: https://tellnovel.com/ru/afanas-ev_aleksandr/ekspeditor

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)